

The Holy See

Энциклика

Caritas in veritate

Верховного Понтифика
Бенедикта XVI

епископам,
пресвитерам и диаконам,
монашествующим, верным Христу мирянам
и всем людям доброй воли
о целостном человеческом развитии в любви и истине

Введение

1. Любовь в истине, – любовь, о которой свидетельствовал Иисус Христос в Своей земной жизни, особенно в смерти и воскресении, есть главная движущая сила подлинного развития каждой личности и всего человечества. Любовь [*caritas*] – это исключительная сила, побуждающая людей служить справедливости и миру отважно и великодушно. Эта сила происходит от Бога, вечной Любви и абсолютной Истины. Каждый обретает своё благо, когда принимает – чтобы полностью реализовать – замысел Божий о нём: ведь в этом замысле он находит свою истину и, соглашаясь с ней, становится свободным (ср. Ин 8, 22). Защищать истину, излагать её смиренно и убеждённо и свидетельствовать о ней жизнью – вот необходимые и незаменимые формы любви. Ведь она «сорадуется истине» (1 Кор 13, 6). Все люди ощущают внутреннее побуждение любить по-настоящему: любовь и истина никогда не покидают их полностью, потому что представляют собой призвание, вложенное Богом в сердце и ум каждого человека. Иисус Христос очищает и освобождает от наших человеческих немощей поиск любви и истины и открывает перед нами во всей полноте дело любви и замысел подлинной жизни, которые Бог приготовил для нас. Во Христе *любовь в истине* становится Ликом Его Ипостаси, призванием для нас – любить братьев в истине,

согласно Его замыслу. Ведь сам Он есть Истина (ср. Ин 14, 6).

2. Любовь – главное русло социального учения Церкви. Всякая обязанность и всякая задача, очерченные этим учением, почерпнуты из любви, в которой, по слову Иисуса, заключён весь закон (ср. Мф 22, 36-40). Любовь насыщает подлинным содержанием личное общение с Богом и ближним; она – начало не только микро-отношений: дружеских, семейных, в малой группе, но и макро-отношений: социальных, экономических, политических. Для Церкви, наставляемой Евангелием, любовь – это всё, потому что, как учит св. Иоанн (ср. 1 Ин 4, 8.16) и как я напомнил в первой своей энциклике, «Бог есть любовь» [*Deus caritas est*]: *из любви Божьей всё происходит, через неё всё обретает форму, к ней всё устремлено*. Любовь – величайший дар Бога людям, Его обетование и наша надежда.

Я отдаю себе отчёт в том, каким искажениям подверглась и подвергается любовь, насколько выхолощен её смысл; поэтому есть опасность, что она будет неверно понята, оторвана от этического опыта и, так или иначе, недооценена. В социальной, юридической, культурной, политической, экономической сферах, то есть в контекстах, наиболее подверженных этому риску, её с лёгкостью объявляют неспособной истолковывать моральные обязанности и руководить ими. Отсюда возникает необходимость сопрягать любовь с истиной не только в направлении, обозначенном святым Павлом: *veritas in caritate* [истина в любви] (Еф 4, 15), но и в противоположном и дополняющем направлении: *caritas in veritate* [любовь в истине]. Мы должны искать, обретать и выражать истину в «домостроительстве» любви и постигать, укреплять и осуществлять любовь в свете истины. Так мы не только послужим любви, которая просвещена истиной, но и укрепим авторитет истины, показав, что она способна удостоверять и убеждать в практической общественной жизни. А это немаловажно сегодня, в том социальном и культурном контексте, где истину считают относительной, нередко ею пренебрегают и от неё отворачиваются.

3. В силу тесной связи с истиной любовь может быть распознана как аутентичное проявление человечности и как крайне важный элемент человеческих отношений, в том числе общественных. *Лишь в истине любовь сияет* и может быть верно воспринята. Истина – это свет, придающий любви смысл и ценность. Это одновременно свет разума и свет веры, через него ум приходит к естественной и сверхъестественной истине любви, постигает её смысл – дар, принятие и единство. Без истины любовь впадает в сентиментализм, превращается в пустую скорлупу, наполняемую чем угодно. Этому риску любовь неизбежно подвергается, если в культуре нет истины. Любовь принесена в жертву эмоциям и изменчивым мнениям заинтересованных лиц, её именем злоупотребляют, искажают её смысл до полной противоположности. Истина же избавляет её от избыточной эмоциональности, из-за которой любовь лишается межличностного и социального содержания, и от фидеизма, ограничивающего её человеческий и вселенский масштаб. Пребывая в истине, любовь служит отражением личного и одновременно общественного

измерения веры в библейского Бога, Который есть и «Агалэ», и «Логос»: Милость и Истина, Любовь и Слово.

4. Человек может постичь любовь во всём богатстве её ценностей, делиться ею и изливать её на других, потому что она исполнена истины. Ведь *истина* есть «логос», который *созидает «диа-лог»*, а значит – общение и единство. Истина, выводя людей из круга субъективных мнений и ощущений, позволяет преодолеть рамки культурной и исторической обусловленности и вынести совместное суждение о ценности и сути вещей. Истина раскрывает и объединяет умы в *логосе* любви: таково христианское возвешение и свидетельство любви. В нынешнем социальном и культурном пространстве, где многие склонны считать истину относительной, жизнь, одухотворяемая любовью в истине, приводит к пониманию того, что приверженность христианским ценностям не только полезна, но и необходима для построения здорового общества и для подлинного и целостного человеческого развития. Христианство, в котором есть любовь, но нет истины, похоже на копилку добрых чувств, полезных для совместного проживания в обществе, но малозначимых. В таком мире просто не нашлось бы настоящего места для Бога. Без истины любовь вытеснена в узкую и частную сферу отношений, исключена из проектов и процессов устройства глобального человеческого развития, из диалога между знаниями и практическими действиями.

5. Милосердие – это любовь, принимаемая и даруемая. Это «благодать» [*cháris*]. Источник милосердия – изначальная любовь Отца к Сыну в Святом Духе. Это любовь, от Сына нисходящая к нам. Это творческая любовь, благодаря которой мы созданы, и искупительная любовь, благодаря которой мы воссозданы. Любовь, явленная и осуществлённая Христом (ср. Ин 13, 1), «излилась в сердца наши Духом Святым» (Рим 5, 5). Любовь Божия обращена к людям, они – субъекты милосердия, сами призванные стать орудиями благодати, чтобы излучать милость Божию, ткать сети милосердия.

Этой динамике любви, получаемой и даруемой, отвечает социальное учение Церкви, которое есть «*любовь в истине в общественных делах*», возвешение истины о любви Христовой в обществе. Это учение – служение любви, но в истине. Истина сохраняет и выражает освободительную силу любви в постоянно обновляющихся событиях истории. Это истина веры и одновременно истина разума, в различии и синергии обеих познавательных сфер. Развитие, общественное благосостояние, успешное разрешение тяжёлых социально-экономических проблем, удручающих человечество, нуждаются в этой истине. И ещё больше они нуждаются в том, чтобы мы любили её и о ней свидетельствовали. Без истины, без доверия и любви к истинному не бывает социальной сознательности и ответственности, а общественная деятельность подчиняется частным интересам и логике власти, что ведёт к распаду общества, тем более на пути глобализации, в трудное время, подобное нынешнему.

6. «*Caritas in veritate*» – это принцип, вокруг которого выстраивается социальное учение Церкви; на практике он воплощается в критериях морального действия. Я хотел бы назвать два из них – те, что имеют особую ценность для развития в обществе, проходящем через глобализацию: *справедливость и общее благо*.

Прежде всего – справедливость. *Ubi societas, ibi ius* [где общество, там право]: каждое общество разрабатывает свою юридическую систему. *Любовь превышает справедливость*, потому что любить – значит дарить, отдавать что-то «свое» другому; но любовь никогда не бывает без справедливости, велящей отдать каждому «свое» – то, что ему причитается в силу его бытия и по его труду. Я не могу «даровать» другому от моего, не отдав ему в первую очередь то, что ему полагается по справедливости. Кто милосердно любит ближних, тот прежде всего справедлив к ним. Справедливость отнюдь не чужда любви и не есть путь, альтернативный или параллельный милосердию: справедливость «неотделима от любви»[1], внутренне ей присуща. Справедливость – это первый путь любви, или, как сказал Павел VI, её «минимальная мера»[2], составная часть той любви, к какой призывает апостол Иоанн, когда увещает любить «делом и истиной» (1 Ин 3, 18). С одной стороны, любовь требует справедливости – требует признать и соблюдать законные права индивидов и народов. Любовь стремится построить «человеческий город», основанный на праве и справедливости. С другой стороны, любовь превосходит справедливость и восполняет её, по логике дара и прощения[3]. «Человеческий город» – это не только права и обязанности, но, в первую очередь, бескорыстие, милосердие и единство. Милосердие всегда демонстрирует, в том числе в человеческих отношениях, любовь Божью, придаёт богословскую и спасительную ценность каждому справедливому начинанию в мире.

7. Далее, нужно обращать пристальное внимание на общее благо. Любить кого-либо – значит желать ему блага и прилагать практические усилия ради этой цели. Наряду с индивидуальным благом есть благо, связанное с социальной жизнью людей – общее благо. Оно предназначено всем нам: индивидам, семьям и промежуточным группам, объединённым в социальное сообщество[4]. Это благо желанно не ради него самого, а ради людей, которые составляют социальное сообщество и только в нём могут достичь своего блага – реально и более успешно. Желать *общего блага* и трудиться ради него – *таково требование справедливости и любви*. Стремиться к общему благу – значит, с одной стороны, обустроить, а с другой – использовать совокупность институтов, структурирующих (в юридическом, гражданском, политическом, культурном аспектах) общественную жизнь, которая, таким образом, принимает форму *полиса* – города. Мы любим ближнего тем действеннее, чем преданнее служим общему благу, отвечающему и его истинным нуждам. Каждый христианин призван к такой любви, согласно своей миссии и собственному положению в *полисе*. Таков институциональный – можно даже сказать: политический – путь любви, и эта любовь не менее сильна и действенна, чем та, что обращается к ближнему напрямую, без посредничества учреждений, составляющих *полис*. Когда нами движет любовь, наша забота об общем благе имеет большую ценность, чем

чисто секулярные и политические усилия. Она, как и всякая забота о справедливости, вписывается в то свидетельство о Божьей любви, которое, действуя во времени, подготавливает вечное. Деятельность человека на земле, если она вдохновлена и подкреплена любовью, вносит вклад в возведение вселенского *града Божия*, к которому движется история человеческой семьи. В обществе, переживающем глобализацию, общее благо и труд ради него не могут не достигать масштабов всей человеческой семьи, то есть сообщества народов и наций[5], так что *град человеческий* обретает очертания единства и мира и в какой-то мере становится предвосхищением и прообразом города без границ, града Божия.

8. Опубликовав в 1967 г. энциклику *Populorum progressio*, мой досточтимый предшественник Павел VI осветил важную тему развития народов блеском истины и кротким сиянием любви Христовой. Он провозгласил, что весть Христова – первый и главный фактор развития[6] и оставил нам наставление: следовать по пути развития всем сердцем и умом[7], то есть с пылом любви и с мудростью истины. Именно истина, проистекающая из любви Божьей, именно благодать, нам дарованная, раскрывает нашу жизнь навстречу дару и даёт нам возможность надеяться на «развитие всего человека и всех людей»[8], на переход «от менее человеческих условий к более человеческим»[9], с преодолением трудностей, неизбежных на этом пути.

Теперь, более чем через сорок лет после обнародования этой энциклики, я хотел бы отдать дань уважения великому Понтифику Павлу VI и почтить его память: обратиться к его наставлениям о *целостном человеческом развитии* и, следуя по намеченному в них пути, применить их к сегодняшнему дню. Процесс актуализации начался с энциклики *Sollicitudo rei socialis*, которую Слуга Божий Иоанн Павел II опубликовал по случаю двадцатилетия энциклики *Populorum progressio*. До тех пор подобной чести удостоилась только энциклика *Rerum novarum*. Теперь, когда миновало ещё двадцать лет, я должен сказать, что *Populorum progressio* заслуживает наименования «*Rerum novarum* в современную эпоху»; эта энциклика освещает путь человечества к единству.

9. Любовь в истине, *caritas in veritate*, – это великий вызов для Церкви в мире, охваченном нарастающей глобализацией. Опасность нашего времени состоит в том, что фактическая взаимозависимость между людьми и народами не сопровождается этическим взаимодействием на уровне совести и ума – а плодом такого взаимодействия могло бы стать подлинно человеческое развитие. Только *любовь, озарённая светом разума и веры*, позволяет достичь целей развития, более человеческих и очеловечивающих. Совместное пользование благами и ресурсами, из которого проистекает подлинное развитие, не может быть гарантировано лишь техническим прогрессом и взаимовыгодными отношениями: необходим потенциал любви, побеждающий зло добром (ср. Рим 12, 21) и пролагающий путь свободному общению на уровне совести.

Церковь не предлагает технических решений[10] и не намеревается «хоть как-нибудь внедриться в политику государств»[11]. У Церкви есть миссия истины, и исполнять эту миссию нужно во все времена и в любых обстоятельствах – ради общества, соразмерного человеку, его достоинству, его призванию. Без истины наш взгляд на жизнь становится сугубо эмпирическим и скептическим, мы не можем подняться над практической деятельностью, поскольку теряем интерес к ценностям – а иногда и к смыслам, – позволяющим выносить суждения о ней и задавать ей направление. Верность человеку требует *верности истине*, ведь только истина *гарантирует свободу* (ср. Ин 8, 32) и *возможность целостного человеческого развития*. Поэтому Церковь ищет истину, неустанно её возвещает и распознаёт её везде, где бы та ни обнаружилась. От этой миссии Церковь никогда не откажется. Социальное учение – важный элемент возвещения, служение истине, которая приносит освобождение. Социальное учение Церкви, открытое истине – из какой бы системы знаний она ни исходила, – принимает её, собирает воедино (потому что зачастую находит её в виде фрагментов) и включает в постоянно обновляющуюся жизнь сообщества людей и народов[12].

Глава первая

Послание энциклики *Populorum progressio*

10. Мы перечитываем *Populorum progressio* спустя более сорока лет после её публикации и понимаем, что должны остаться верными её посланию любви и истины, рассматриваемому в контексте Учительства Павла VI, а в более широком контексте – в традиции социального учения Церкви. Далее, нужно оценить условия, в каких сегодня, в отличие от того времени, формулируется проблема развития. Итак, правильная точка зрения – это *Предание апостольской веры*[13], древнее и новое наследие, вне которого энциклика *Populorum progressio* оказалась бы документом без корней, а вопросы развития свелись бы исключительно к социологическим данным.

11. *Populorum progressio* была опубликована сразу по завершении II Ватиканского собора. В первых же параграфах отмечена её тесная связь с собором[14]. Спустя двадцать лет в энциклике *Sollicitudo rei socialis* Иоанн Павел II, в свою очередь, подчеркнул плодотворную связь той энциклики с собором, в особенности с пастырской конституцией *Gaudium et spes*[15]. Я хотел бы также напомнить, насколько важен II Ватиканский собор для энциклики Павла VI и для всего последующего социального Учительства Верховных Понтификов. Собор глубже изучил то, что изначально принадлежит к истине веры: а именно, что Церковь, служа Богу, служит миру в духе любви и истины. Именно исходя из этого, Павел VI сообщил нам две великие истины. Первая гласит: *вся Церковь, во всём своём бытии и действии, провозглашая свою весть, совершая богослужение и трудясь в любви, старается*

способствовать целостному развитию человека. Роль Церкви в обществе не исчерпывается благотворительной и воспитательной деятельностью: все силы Церкви раскрываются в служении человеку и всеобщему братству, когда ей предоставлена свобода. Однако нередко свобода скована запретами и гонениями – или тем, что присутствие Церкви в обществе ограничено благотворительностью. Вторая истина гласит: *подлинное развитие человека охватывает всю совокупность личности, во всех её измерениях*[16]. Без перспективы вечной жизни человеческий прогресс в этом мире задыхается. Если он заключён в границы истории, есть опасность, что он сведётся к простому приросту имущества; так человечество теряет отвагу, необходимую для достижения высших благ, для великих и бескорыстных начинаний, движимых всеобщей любовью. Человек развивается не одними своими силами, и развитие не может быть просто дано ему извне. В ходе истории люди часто полагали, что достаточно организовать надлежащие учреждения, чтобы гарантировать человечеству право на развитие. Увы, мы чрезмерно доверяли этим учреждениям, словно они могут достичь желанной цели автоматически. В действительности одних только учреждений недостаточно, поскольку целостное человеческое развитие – это прежде всего призвание, а значит, оно подразумевает свободное и солидарное принятие на себя ответственности всеми. Кроме того, такое развитие требует трансцендентного подхода к личности, нуждается в Боге: без Него развитие будет либо отвергнуто, либо вверено исключительно человеку, который, в иллюзорной надежде на «само-спасение», в конце концов скатится к бесчеловечному развитию. И только встреча с Богом позволяет не «видеть в другом всегда лишь другого»[17], но распознать в нём образ Божий, тем самым по-настоящему открыть его для себя и взрастить любовь, которая «становится заботой о другом и ради другого»[18].

12. Связь между *Populorum progressio* и II Ватиканским собором не означает, будто Павел VI отступил от социального Учительства своих предшественников: ведь собор углубил это Учительство, соблюдая преемственность церковной жизни[19]. Поэтому не много пользы от абстрактных схем, которые дробят на части социальную доктрину Церкви и применяют к папскому социальному учению категории, ему чуждые. Нет двух социальных доктрин: дособорной и послесоборной, отличающихся друг от друга; есть *единое учение, последовательное и одновременно всегда новое*[20]. Допустимо выявлять особенности, присущие той или иной энциклике, учению того или иного Понтифика, но никогда нельзя терять из вида целостность всего вероучительного *корпуса*[21]. Целостность – это не замкнутость внутри одной системы, а динамичная верность обретённому свету. Свет, излучаемый социальным учением Церкви, не искажает возникающих проблем, всё новых и новых[22]. Благодаря этому сохраняется характер, постоянный и историчный, вероучительного «достояния»[23], которое, со своими специфическими характеристиками, входит в состав всегда живого церковного Предания[24]. Социальное учение возведено на том фундаменте, какой был передан апостолами Отцам Церкви, а затем воспринят и углублён великими христианскими учителями. Это учение восходит в конечном итоге к новому Человеку, «последнему Адаму, ставшему духом животворящим» (1 Кор 15, 45); Он –

начало любви, которая «никогда не пройдёт» (1 Кор 13, 8). Об этой любви свидетельствовали святые и те, кто отдал жизнь за Христа Спасителя, ради справедливости и мира. В ней воплощена пророческая задача Верховных Понтификов – по-апостольски руководить Церковью Христовой и различать новые требования евангелизации. По этим причинам энциклика *Populorum progressio*, включённая в великий поток Предания, обращена и к нам, сегодняшним людям.

13. Энциклика *Populorum progressio* не только прочно вписана в социальное учение Церкви, но и *тесно связана с собственным учительством Павла VI*, в частности социальным. Несомненно, он внёс важный вклад в социальное учение: подчеркнул неотъемлемую значимость Евангелия для построения общества, свободного и справедливого, в идейной и исторической перспективе цивилизации, одухотворённой любовью. Павел VI ясно осознал, что социальный вопрос вышел на мировой уровень[25], и увидел взаимосвязь между стремлением человечества к единству и христианским идеалом: единой семьёй народов, солидарной в общем братстве. Папа указал, что *развитие, понятое в гуманистическом и христианском смысле, – это сердцевина христианского социального послания, а христианская любовь – основная сила на службе развитию*. Движимый желанием сделать любовь Христа вполне видимой для современного человека, Павел VI решительно поднял важные этические вопросы, не отступая перед слабостями культуры своего времени.

14. В 1971 г. в апостольском послании *Octogesima adveniens* Павел VI повёл речь о смысле политики и об *опасности, заключённой в утопических и идеологических мировоззрениях*, которые наносят ущерб этическому и гуманистическому качеству политики. Эти темы тесно связаны с развитием. К сожалению, негативные идеологии продолжают процветать. Что касается технократической идеологии, прочно укоренённой сегодня, Павел VI уже предостерег от неё своих читателей[26], осознавая, сколь опасно верить весь процесс развития исключительно технике, поскольку в этом случае она остаётся без ориентиров. Техника сама по себе амбивалентна. С одной стороны, сегодня некоторые склонны полностью препоручить ей процесс развития, а с другой – мы наблюдаем зарождение идеологий, которые огульно отрицают саму полезность развития, считают его крайне антигуманным, утверждают, что оно ведёт лишь к деградации. Таким образом, подпадают под осуждение не только искажённые и несправедливые формы, в которые мы, люди, иногда облакаем прогресс, но даже научные открытия – а ведь если правильно ими пользоваться, они всем дают возможность расти. Представление о мире без развития свидетельствует о недоверии к человеку и к Богу. Итак, большая ошибка – недооценивать способность человека к исправлению дефектов развития или даже игнорировать тот факт, что человек, по самому своему устройству, стремится «быть чем-то большим». Идеологически абсолютизировать технический прогресс или лелеять утопию о возвращении человечества к изначальному естественному состоянию – два противоположных способа отделить прогресс от моральных оценок, а значит, от нашей ответственности.

15. Ещё две работы Павла VI, не так тесно связанные с социальным учением – энциклика *Humanae vitae*, от 25 июля 1968 г., и апостольское увещание *Evangelii nuntiandi*, от 8 декабря 1975 г. – очень важны для того, чтобы очертить *полностью гуманистический смысл развития, предложенный Церковью*. А потому уместно прочесть и эти тексты в связи с *Populorum progressio*.

Энциклика *Humanae vitae* подчёркивает единство двух значений сексуальности, объединяющего и воспроизводящего, и ставит в основание общества супружескую пару, мужчину и женщину, которые, будучи различными и взаимодополняющими, принимают друг друга, – пару, открытую навстречу жизни[27]. Речь не идёт о строго индивидуальной морали: в *Humanae vitae* Папа отмечает, что *этику жизни и социальную этику соединяют крепкие узы*. Так было положено начало рассмотрению тематики, которая постепенно раскрылась в различных документах Учительства; из них последний – энциклика Иоанна Павла II *Evangelium vitae*[28]. Церковь решительно настаивает на взаимосвязи между этикой жизни и социальной этикой, осознавая, что не бывает «прочных оснований у общества, которое – хотя и провозглашает такие ценности, как достоинство личности, справедливость и мир – решительно себе противоречит, приемля и допуская самые разные проявления неуважения к человеческой жизни и насилия над ней, особенно если это жизнь слабого и маргинального существа»[29].

Апостольское увещание *Evangelii nuntiandi*, в свою очередь, имеет непосредственное отношение к теме развития, поскольку, как пишет Павел VI, «евангелизация неполна, если она не учитывает взаимный призыв, с каким постоянно обращаются друг к другу Евангелие и конкретная жизнь человека, личная и общественная»[30]. «Между евангелизацией и продвижением человека – развитием и освобождением – есть прочная связь»[31]; исходя из этого тезиса, Павел VI ясно описывал соотношение между возвещением Христа и развитием личности в обществе. *Свидетельство о любви Христовой через служение справедливости, миру и развитию – это часть евангелизации*, потому что Иисусу Христу, любящему нас, дорог весь человек. На этих важных доводах основан миссионерский аспект[32] социального учения Церкви как важного элемента евангелизации[33]. Социальное учение Церкви представляет собой возвещение и свидетельство веры. Это неотъемлемое орудие и пространство воспитания в вере.

16. В *Populorum progressio* Павел VI говорит нам, прежде всего, что прогресс, в его истоках и по сути, – это *призвание*: «По замыслу Божьему, каждый человек призван к развитию, поскольку каждая жизнь есть призвание»[34]. Именно этот факт позволяет Церкви на законных основаниях высказываться о проблемах развития. Если бы оно затрагивало лишь технические аспекты человеческой жизни, а не смысл и цель того пути, каким человек идёт по истории вместе со своими братьями, у Церкви не было бы причин рассуждать о развитии. Павел VI, как до него Лев XIII в *Rerum novarum*[35], осознавал, что исполняет долг, сопряжённый с его служением, когда направлял свет Евангелия на социальные

вопросы своего времени[36].

Сказать: *развитие есть призвание* – значит признать, с одной стороны, что развитие рождается из трансцендентного призыва, а с другой – что оно неспособно само себе придать окончательный смысл. Не без оснований слово «призвание» употреблено и в другом фрагменте энциклики: «Итак, не бывает подлинным гуманизм, если он не открыт навстречу Абсолюту и не признаёт призвания, придающего истинный смысл человеческой жизни»[37]. Этот взгляд на развитие – средоточие энциклики *Populorum progressio*, из него исходят все размышления Павла VI о свободе, истине и любви в развитии. Такова главная причина того, что энциклика остаётся актуальной и в наши дни.

17. Призвание – это призыв, требующий свободного и ответственного отклика. *Целостное человеческое развитие подразумевает ответственную свободу личности и народов*: никакая структура не может гарантировать развитие, помимо и «через голову» человеческой ответственности. «Мессианские движения, изобилующие обещаниями, но сеющие иллюзии»[38], всегда берут за отправную точку отрицание трансцендентного измерения развития, уверенные в том, что могут в полной мере распорядиться развитием по своему усмотрению. Эта ложная уверенность оборачивается слабостью, потому что влечёт за собой порабощение человека, низведённого на уровень средства для достижения развития. И напротив, если мы принимаем призвание, наше смирение претворяется в подлинную автономию, поскольку делает нас свободными. Павел VI не сомневается в том, что препятствия и ограничения тормозят развитие, но он также уверен, что «каждый, какое бы влияние на него ни оказывали, остаётся творцом своего успеха или поражения»[39]. Эта свобода касается развития, нам предстоящего, но в то же время относится и к ситуациям отставания в развитии, которые возникли не случайно и не в силу исторической необходимости, а из-за человеческой безответственности. Именно поэтому «голодающие народы сегодня громко призывают к народам, живущим в роскоши»[40]. Это – тоже призвание, обращение свободных людей к свободным людям ради общего принятия на себя ответственности. Павел VI хорошо осознавал важность экономических структур и институтов, но столь же ясно видел, что они по своей природе – инструменты человеческой свободы. Только будучи свободным, развитие может быть вполне человеческим; только в условиях ответственной свободы оно может возрастать надлежащим образом.

18. Помимо свободы, *целостное человеческое развитие как призвание требует уважения к истине*. Призвание к прогрессу побуждает людей «больше делать, знать и иметь, чтобы быть чем-то большим»[41]. Но вот проблема: что значит «быть чем-то большим»? Отвечая на этот вопрос, Павел VI указывает на существенную характеристику «подлинного развития»: оно «должно быть целостным, то есть ориентированным на движение вперед каждого человека и всего человека»[42]. В сегодняшнем обществе – ещё больше, чем во времена Павла VI – соревнуются между собой разные представления о человеке, и особенность христианского видения состоит в том, что оно утверждает и обосновывает

безусловную ценность человеческой личности и смысл её роста. Христианское призвание к развитию помогает двигаться вперёд всем людям и всему человеку. Павел VI пишет: «Для нас имеет значение человек, каждый человек, каждая группа людей, вплоть до человечества в целом»[43]. Христианская вера заботится о развитии, рассчитывая не на привилегии, не на высокопоставленное положение и даже не на достоинства христиан, доходившие прежде и доходящие сегодня почти до естественных границ[44], но лишь на Христа, от Которого исходит всякое подлинное призвание к целостному человеческому развитию. *Евангелие – основополагающий элемент развития*, поскольку в нём Христос, «открывая тайну Отца и Его любви, полностью являет человека самому человеку»[45]. Наставляемая своим Господом, Церковь исследует знаки времён, истолковывает их и предлагает миру «то, что у неё есть своего: глобальное видение человека и человечества»[46]. Именно потому, что Бог говорит величайшее «да» человеку[47], человек не может не открыться Божьему призванию и не приступить к собственному развитию. Истина развития заключается в его целостности: если оно не охватывает всего человека и каждого человека, это не настоящее развитие. Таково основное послание энциклики *Populorum progressio*, актуальное сегодня и всегда. Целостное человеческое развитие в естественном плане, как ответ на призвание Бога-Творца[48], должно найти отражение в «трансцендентном гуманизме, который [...] максимально восполняет [человека] – такова высшая цель личностного развития»[49]. Следовательно, христианское призвание к развитию охватывает как естественное, так и сверхъестественное измерение; поэтому, «когда Бог выпадает из поля зрения, наша способность распознавать естественный порядок, цель и “благо” начинает ослабевать»[50].

19. Наконец, рассматривая развитие как призвание, мы видим, что *в центре его находится любовь*. Павел VI в энциклике *Populorum progressio* отмечает, что главные причины отставания в развитии не относятся к материальному порядку. Он рекомендует нам искать эти причины в других измерениях человеческой личности. И прежде всего в воле, которая часто уклоняется от обязанностей, продиктованных солидарностью. А во-вторых в уме, который не всегда направляет волю в надлежащее русло. Поэтому, чтобы развитие состоялось, нужны «думающие люди, способные на глубокое размышление и ориентированные на новый гуманизм, который позволит современному человеку вновь обрести самого себя»[51]. Но это не всё. У отставания в развитии есть причина, ещё более важная, чем недомыслие – «отсутствие братства между людьми и между народами»[52]. Смогут ли люди когда-нибудь самостоятельно достичь братства? Общество, всё более глобализированное, приближает нас друг к другу, но не превращает в братьев. Разум сам по себе способен постичь равенство людей и организовать гражданское сосуществование, но не может основать братство. Источник братства – трансцендентное призвание Бога Отца, Который возлюбил нас первым и через Сына показал нам, что такое братская любовь. Павел VI назвал разные уровни человеческого развития как процесса, а на вершину, после веры, поставил «единство в любви Христа, Который всех нас призывает участвовать – в сыновнем качестве – в жизни Бога живого, Отца всех людей»[53].

20. Эти перспективы, очерченные в *Populorum progressio*, остаются для нас основополагающими, предоставляют пространство и ориентиры для наших усилий, направленных на развитие народов. Кроме того, в *Populorum progressio* Павел VI неоднократно подчёркивает, что *срочно необходимы реформы*^[54], и просит, чтобы перед лицом серьёзных проблем, связанных с несправедливостью в развитии народов, мы действовали отважно и без промедления. Эта *срочность продиктована также и любовью в истине*. Именно любовь Христа побуждает нас действовать: «... любовь Христова объемлет нас» (2 Кор 5, 14). Срочности требуют не только вещи, не только надвигающиеся события и проблемы, но и то, что поставлено на карту, – достижение подлинного братства. Значимость этой цели требует от нас готовности понять её до конца и на практике мобилизовать свои «сердца», чтобы направить сегодняшние экономические и социальные процессы к целям, по-настоящему гуманным.

Глава вторая

Человеческое развитие в наше время

21. У Павла VI было *чёткое представление о развитии*. Термином «развитие» он обозначал следующую цель: избавить народы прежде всего от голода, нищеты, эндемических болезней и неграмотности. С экономической точки зрения, развитие – это активное и равноправное участие народов в международном экономическом процессе; с социальной точки зрения – их эволюционное движение к образованному и солидарному обществу; с политической точки зрения – укрепление демократических режимов, способных гарантировать свободу и мир. Теперь, много лет спустя, с тревогой наблюдая за тем, как развиваются и в каком направлении движутся кризисы, сменяющие друг друга, мы спрашиваем себя, *в какой мере удовлетворяет ожиданиям Павла VI модель развития, работающая в последние десятилетия*. Поэтому мы признаём, что у Церкви были основания тревожиться о том, способен ли человек, исключительно как технологический субъект, ставить перед собой реалистичные цели и надлежащим образом пользоваться инструментами, имеющимися в его распоряжении. Прибыль становится полезной, если в качестве средства она направлена к цели, которая придаёт ей смысл и указывает, как её производить и использовать. Если же прибыль – единственная цель, если она получена недозволенным образом и не направлена в конечном счёте на общее благо, она разрушит благосостояние и породит бедность. Экономическое развитие, которого желал Павел VI, должно было привести к реальному росту, объемлющему всех и вполне устойчивому. Верно, что развитие было и остаётся положительным фактором, который избавил от нищеты миллиарды людей и в последнее время позволил многим странам стать успешными участниками международной политики. Однако нужно признать, что этому же экономическому развитию мешали и мешают *искажения и серьёзные проблемы*, и

нынешний кризис их только усугубил. Он ставит нас перед неотложной необходимостью принимать решения, затрагивающие саму судьбу человека, который, между тем, не может абстрагироваться от своей природы. Действующие технические силы, общемировые взаимосвязи, пагубное влияние на реальную экономику финансовой деятельности, плохо организованной и к тому же спекулятивной, громадные миграционные потоки (зачастую просто приведённые в движение, но не регулируемые), беспорядочная эксплуатация земных ресурсов – всё это сегодня побуждает нас размышлять над мерами, необходимыми для решения проблем, не просто новых – по сравнению с теми, о которых говорил Папа Павел VI, – но и, что ещё важнее, имеющих решающее значение для нынешнего и будущего блага человечества. Аспекты кризиса и выходов из него, а также возможного нового развития, всё теснее переплетаются, немыслимы друг без друга, требуют новых усилий по целостному пониманию и *нового гуманистического осмысления*. Сложность и драматизм нынешнего экономического положения вызывают законную тревогу, но мы должны реалистично, с доверием и надеждой взять на себя новую ответственность, как того требует обстановка в мире, который нуждается в глубоком культурном обновлении и должен вернуться к базовым ценностям, чтобы возвести на их основе лучшее будущее. Кризис обязывает нас перепланировать маршрут, выработать новые правила и найти новые формы деятельности, взять на вооружение успешные начинания и отбросить неудачные. Таким образом, кризис *даёт возможность провести различие и построить новые планы*. В этом духе, с доверием и без уныния, мы должны идти навстречу нынешним трудностям.

22. Сегодня картина развития – *полицентрическая*. Действующие лица и причины недоразвитости и развития многочисленны, вины и заслуги разнообразны. Пусть это обстоятельство подвигнет нас избавиться от идеологий, упрощающих реальность, зачастую искусственно, и объективно исследовать человеческое измерение проблем.

Демаркационная линия между богатыми и бедными странами сегодня не такая чёткая, как во времена *Populorum progressio*, как уже отметил Иоанн Павел II [55]. *Мировое богатство растёт в абсолютных терминах, но усиливается неравенство*. В богатых странах беднеют новые социальные категории и появляются новые виды бедности. В самых бедных регионах некоторые группы наслаждаются своеобразным сверх-развитием: предаются расточительству и потребительству, что резко контрастирует с устойчивой бесчеловечной нищетой. Сохраняется «шокирующее, вопиющее неравенство» [56]. Коррупция и беззаконие свойственны, увы, поведению экономических и политических субъектов не только в богатых странах, старых и новых, но и в бедных странах. Правами трудящихся пренебрегают порой и крупные транснациональные предприятия, и местные производственные объединения. Зачастую международная помощь не доходит до адресатов из-за безответственности, поражающей и цепочку дарителей, и цепочку получателей. Да и в сфере нематериальных, культурных причин развития и недоразвитости мы наблюдаем те же проблемы с ответственностью. Существуют формы чрезмерной защиты знания со стороны богатых стран, слишком жёстко применяющих право на интеллектуальную собственность, особенно в сфере здравоохранения. В то же время в некоторых бедных странах сохраняются

культурные модели и социальные нормы поведения, замедляющие процесс развития.

23. Сегодня многие регионы планеты эволюционировали – впрочем, проблемно и неоднородно – и вошли в число великих держав, которым предстоит сыграть в будущем важную роль. Однако нужно подчеркнуть, что *одного лишь экономического и технологического прогресса недостаточно*. Нужно, чтобы развитие было прежде всего подлинным и целостным. Выход из экономической отсталости – шаг сам по себе позитивный, но он не разрешает сложную проблематику человеческого развития – ни в странах, участвующих в этом движении, ни в экономически развитых странах, ни в тех, что ещё бедны и могут пострадать не только от старых форм эксплуатации, но и от негативных последствий неравномерного, несбалансированного роста.

Вслед за развалом экономических и политических систем в коммунистических странах Восточной Европы и упразднением так называемых «противостоящих блоков» потребовалось комплексное переосмысление развития. На это указал Иоанн Павел II, который в 1987 г. назвал наличие «блоков» одной из основных причин отставания в развитии[57], поскольку политика отнимала ресурсы у экономики и культуры, а идеология препятствовала свободе. В 1991 г., после событий 1989 г., Папа объяснил, что за ликвидацией «блоков» должно последовать глобальное перепланирование развития, причём не только в этих странах, но и на Западе, а также в развивающихся регионах мира[58]. Это совершилось лишь частично и остаётся реальной обязанностью; кстати, чтобы её выполнить, можно воспользоваться именно теми решениями, какие необходимы для преодоления нынешних экономических проблем.

24. Во времена Павла VI общество эволюционировало настолько, что Папа мог говорить о выходе социального вопроса на планетарный уровень, и всё же тогдашний мир был гораздо менее интегрированным, чем сегодняшней. Экономическая и политическая деятельность разворачивались преимущественно на одной и той же территории, а потому могли подпитывать друг друга. Производственные процессы протекали большей частью в национальных границах, а финансовые инвестиции имели довольно ограниченную циркуляцию за рубежом, поскольку во многих государствах политика ещё могла устанавливать приоритеты для экономики и в какой-то мере управлять её делами с помощью инструментов, которыми пока ещё располагала. Поэтому *Populorum progressio* возлагала главную – хотя и не исключительную – ответственность на «гражданские власти»[59].

В наше время государству приходится сталкиваться с ограничениями, какие налагает на его суверенитет новый международный контекст, экономико-коммерческий и финансовый, отличающийся растущей мобильностью финансовых капиталов и материальных и нематериальных средств производства. Этот новый контекст модифицировал политическую власть государств.

Сегодня, когда мы извлекаем уроки из экономического кризиса, принуждающего *государственную власть* непосредственно заняться исправлением ошибок и неполадок, представляется уместным *заново переоценить её роль* и полномочия; они нуждаются в мудром пересмотре, чтобы власть могла отвечать – в том числе и с применением новых способов функционирования – на вызовы современного мира. Можно предвидеть, что, когда точнее будет определена роль гражданских властей, укрепятся те новые формы участия в национальной и международной политике, которые реализуются через деятельность организаций, работающих в гражданском обществе; желательно, чтобы и граждане уделяли больше внимания «общему делу» [*res publica*] и активнее участвовали в нём.

25. С социальной точки зрения, системы защиты и обеспечения, во времена Павла VI уже действовавшие во многих странах, едва справляются со своими задачами в обстановке, значительно изменившейся, а будущее чревато ещё большими трудностями в деле установления подлинной социальной справедливости. Тот факт, что рынок стал глобальным, прежде всего побудил богатые страны искать территории, где бы разместить дешёвое производство, чтобы снизить цены на многие товары, повысить покупательную способность и тем самым ускорить темпы развития, понимаемого в первую очередь как более интенсивное потребление на собственном внутреннем рынке. Таким образом, рынок стимулировал новые формы соревнования между государствами, желающими привлечь на свою территорию производственные центры иностранных предприятий – привлечь разнообразными средствами, в числе которых – благоприятная фискальная политика и либерализация рынка труда. Эти процессы привели к *сокращению систем социальной защиты* – такую цену приходится платить за повышение конкурентоспособности на глобальном рынке. В результате подвергаются серьёзной угрозе права трудящихся, основные права человека и солидарность, сопряжённая с традиционными формами социального государства. Системы социальной защиты могут перестать справляться со своей задачей – и в развивающихся странах, и в тех, что давно ступили на путь развития, а тем более в бедных странах. Здесь бюджетная политика, урезающая социальные расходы, зачастую под давлением международных финансовых институтов, может оставить граждан бессильными перед лицом старых и новых опасностей, и это бессилие усугубляется из-за отсутствия действенной защиты со стороны ассоциаций трудящихся. Совокупность социальных и экономических изменений приводит к тому, что *профсоюзным организациям* всё труднее становится исполнять свои обязанности – представлять интересы трудящихся; одна из причин состоит в том, что правительства ради экономической выгоды нередко ограничивают свободу профсоюзов или их возможность вести переговоры. Таким образом, традиционные системы солидарности вынуждены преодолевать всё больше препятствий. Социальное учение Церкви, начиная с *Rerum novarum* [60], призывает создавать ассоциации трудящихся ради защиты их прав, и сегодня эта идея заслуживает ещё большего внимания, чем вчера – прежде всего, как своевременный и дальновидный ответ на потребность в установлении новых связей и на международном, и на местном уровнях.

Мобильность труда, связанная с атмосферой либерализации, представляет собой важный феномен, не лишённый позитивных аспектов, поскольку он может способствовать новому благосостоянию и культурному взаимообмену. Тем не менее, когда неопределённость условий труда, вызванная мобильностью и либерализацией, становится хронической, она приводит к психологической нестабильности, к трудностям при построении устойчивых жизненных планов, в том числе и планов по вступлению в брак. Результатом становится человеческая деградация, не говоря уже о разбазаривании социальных ресурсов. По сравнению с тем, что происходило в индустриальном обществе в прошлом, сегодня безработица порождает новые аспекты экономической маргинализации, и нынешний кризис может лишь утяжелить ситуацию. Долговременный отрыв от работы или длительная зависимость от государственной или частной благотворительности угрожают свободе и творческим способностям человека, его семейным и общественным взаимоотношениям, причиняют тяжёлые психологические и духовные страдания. Я хотел бы напомнить всем, и прежде всего руководителям, призванным обновить экономический и социальный облик мира, что *важнейший капитал, который нужно хранить и ценить – это человек, личность в её целостности*: «Ведь человек – творец, средоточие и цель всей экономической и общественной жизни»^[61].

26. На уровне культуры различие с эпохой Павла VI ещё заметнее. В то время различные культуры были достаточно чётко очерчены и имели больше возможностей защищаться от попыток уравнивания. Сегодня возможности *взаимодействия между культурами* значительно возросли, и возникли новые перспективы межкультурного диалога. А чтобы этот диалог был эффективным, его отправной точкой должно стать глубокое постижение специфической идентичности разных собеседников. Однако отметим, что возросшая коммерциализация культурного обмена сегодня чревата двумя опасностями. Первая – *культурный эклектизм*, зачастую принимаемый некритично: культуры просто выстроены в один ряд и рассматриваются как по сути равноценные и взаимозаменяемые. Это – уступка релятивизму, который не способствует подлинному межкультурному диалогу; на социальном уровне культурный релятивизм приводит к тому, что культурные группы сближаются или сосуществуют, но по отдельности, без аутентичного диалога, а значит, без настоящей интеграции. Во-вторых, есть противоположная опасность – *сглаживание культурных различий* и унификация стилей поведения и образов жизни. Так утрачивается глубокий смысл культуры разных наций, смысл традиций разных народов, а ведь в рамках этих традиций человек ищет ответ на фундаментальные вопросы существования^[62]. И эклектизм, и культурная уравниловка отделяют культуру от человеческой природы. В результате культуры уже не находят своего мерила в природе, выходящей за их пределы^[63], и в конце концов сводят человека к культурному феномену. Когда это происходит, человечество подвергается новым угрозам порабощения и манипулирования.

27. Во многих бедных странах сохраняется (и может усилиться) крайняя небезопасность жизни, следствие недостатка в питании: жертвами *голода* всё ещё становятся очень многие

«Лазари», которым не дозволено сесть за стол богача[64], как того желал Павел VI. *Накормить голодных* (ср. Мф 25, 35.37.42) – это этический императив для Вселенской Церкви, отвечающей на наставления своего Основателя, Господа Иисуса, о солидарности и щедрости. Кроме того, в эпоху глобализации избавление мира от голода стало целью, которой нужно достичь, чтобы сохранить мир и стабильность на планете. Голод обусловлен не столько материальной скудостью, сколько скудостью социальных ресурсов, из которых самый важный имеет институциональную природу. Это значит, что отсутствует сеть экономических институтов, способных гарантировать регулярный доступ к пище и воде в достаточном количестве и удовлетворить нужды, связанные с первоочередными потребностями и чрезвычайными ситуациями – настоящими продовольственными кризисами, возникающими в силу естественных причин либо из-за политической безответственности внутри страны или на международном уровне. Проблему нехватки продовольствия следует рассматривать в долговременной перспективе, устраняя структурные причины и поощряя аграрное развитие в беднейших странах посредством инвестиций в сельские инфраструктуры, в ирригационные системы, в транспорт, в организацию рынков, в разработку и распространение надлежащих сельскохозяйственных технологий, позволяющих оптимально использовать людские, природные и социально-экономические ресурсы, более доступные на местном уровне, чтобы гарантировать их долговременную устойчивость. Всё это нужно осуществить, вовлекая местные сообщества в принятие решений об использовании пахотной земли. В этой перспективе полезно подумать о новых горизонтах, какие открывает перед нами правильное применение традиционных технологий сельскохозяйственного производства, равно как и инновационных, если надлежащая проверка выявила, что они уместны, не вредят окружающей среде и полезны для самых обездоленных слоёв населения. В то же время не следует пренебрегать вопросом о справедливой аграрной реформе в развивающихся странах. Право на питание и право на воду важны для защиты других прав, начиная с основного права на жизнь. Поэтому должно созреть солидарное сознание, рассматривающее *питание и доступ к воде как универсальные права всех людей, без различия и дискриминации*[65]. Кроме того, важно показать, что солидарные усилия, способствующие развитию бедных стран, могут стать проектом выхода из нынешнего глобального кризиса, что в последнее время осознали политики и руководители международных институтов. Необходимо оказать поддержку экономически бедным странам с помощью финансовых планов, вдохновлённых солидарностью, чтобы эти страны постарались самостоятельно удовлетворить имеющуюся у граждан потребность в товарах и в развитии. Это может не только содействовать подлинному экономическому росту, но и поддержать производительные способности богатых стран, вследствие кризиса поставленные под угрозу.

28. Один из наиболее очевидных аспектов сегодняшнего развития – важность темы *уважения к жизни*. Эту тему никоим образом нельзя отделить от вопросов, относящихся к развитию народов. В последнее время данный аспект обретает всё большую значимость,

обязывая нас расширить понятия бедности[66] и отставания в развитии и связать их с вопросами о принятии жизни, особенно там, где этому принятию мешают всяческие препятствия.

Дело не только в том, что бедность всё ещё приводит во многих регионах к высокой детской смертности; помимо этого, правительства разных стран, осуществляя демографический контроль, нередко занимаются распространением противозачаточных средств и даже навязывают аборт. В очень многих странах, экономически самых развитых, приняты законодательства, противостоящие жизни; они уже повлияли на обычаи и на повседневную практику, содействуя распространению менталитета, враждебного деторождению, и часто пытаются внушить этот образ мыслей другим странам, словно он характерен для культурного прогресса.

Некоторые неправительственные организации активно способствуют распространению абортов, а иногда поощряют в бедных странах применение стерилизации, в том числе к женщинам, не понимающим, что это такое. Кроме того, есть основания подозревать, что порой сама помощь развитию обусловлена определённого рода здравоохранительной политикой, фактически подразумевающей установление строго контроля над рождаемостью. Далее, вызывает тревогу допущение эвтаназии некоторыми законодательствами, равно как и давление, оказываемое национальными и международными группами, требующими её юридического признания.

Открытость навстречу жизни – средоточие подлинного развития. Когда общество склоняется к отрицанию и пресечению жизни, оно перестаёт находить мотивацию и силы, необходимые для служения подлинному благу человека. Если утрачивается личная и социальная чуткость к принятию новой жизни, то и другие формы принятия, полезные в общественной жизни, приходят в упадок[67]. Принятие жизни укрепляет нравственные силы и делает людей способными помогать друг другу. Вращивая открытость по отношению к жизни, богатые народы смогут лучше понять нужды бедных народов, поостерегутся расточать огромные экономические и интеллектуальные ресурсы ради удовлетворения эгоистических желаний своих граждан и, напротив, будут поощрять добрые дела в перспективе морально здорового и солидарного производства, уважая основное право каждого народа и каждого человека на жизнь.

29. Ещё один аспект сегодняшней жизни очень тесно связан с развитием: отрицание *права на религиозную свободу*. Я имею в виду не только войны и конфликты, всё ещё вспыхивающие в мире по религиозным мотивам – хотя порой религия служит только прикрытием для причин иного рода, таких как жажда власти и богатства. Действительно, сегодня часто убивают, прикрываясь священным именем Бога, на что много раз публично с прискорбием указывали мой предшественник Иоанн Павел II и я сам[68]. Насильственные действия тормозят подлинное развитие и препятствуют движению народов к большему

социально-экономическому и духовному благополучию. В особенности это относится к терроризму с фундаменталистской окраской[69]; он сеет боль, разрушение и смерть, препятствует диалогу между народами и отвлекает на себя огромные ресурсы, которые могут быть использованы в мирных, гражданских целях. Однако нужно добавить, что не только религиозный фанатизм, в некоторых контекстах мешающий осуществлению права на религиозную свободу, но и планомерное насаждение религиозного безразличия или практического атеизма во многих странах противоречит нуждам развития народов, отнимая у них духовные и человеческие ресурсы. Бог – *гарант подлинного развития человека*: ведь, создав его по Своему образу и подобию, Бог даёт ему трансцендентное достоинство и поддерживает неустранимую жажду человека «быть чем-то большим». Человек – не атом, затерянный в случайной вселенной[70], а творение Божие; Бог пожелал даровать ему бессмертную душу и любит его извечно. Если бы человек был лишь плодом случая или необходимости, если бы ему пришлось ограничивать свои устремления тесным горизонтом ситуаций, в которых он живёт, если бы всё исчерпывалось историей и культурой, а природе человека не предстояло бы перейти в сверхъестественную жизнь, мы могли бы говорить о росте или эволюции, но не о развитии. Когда государство поощряет, преподаёт или даже навязывает практический атеизм в каком-либо виде, оно тем самым лишает своих граждан моральной и духовной силы, необходимой для участия в целостном человеческом развитии, и мешает им двигаться вперед с обновлённым динамизмом, к более великодушному ответу на Божью любовь[71]. Случается также, что экономически развитые или развивающиеся страны передают бедным странам – посредством культурных, торговых и политических взаимоотношений – ограниченное представление о человеке и его судьбе. Так «сверхразвитие»[72] наносит ущерб подлинному развитию, когда сопровождается «моральной недоразвитостью»[73].

30. В этом контексте тема целостного человеческого развития обретает новые смыслы: взаимосвязь между её многочисленными элементами требует, чтобы мы постарались *интегрировать различные уровни человеческого знания* ради содействия подлинному развитию народов. Часто думают, что развитие и связанные с ним социально-экономические меры просто должны быть плодом совместной деятельности. Однако эта совместная деятельность нуждается в том, чтобы её направили, поскольку «за всяким социальным действием стоит некое учение»[74]. Очевидно, что в силу сложности проблем различные дисциплины должны взаимодействовать в рамках упорядоченного междисциплинарного подхода. Любовь не только не исключает, но требует знания, продвигает его вперёд и одушевляет изнутри. Знание никогда не бывает только делом ума. Конечно, его можно свести к расчёту и эксперименту, но если оно хочет быть мудростью, способной направлять человека в свете изначальных принципов и окончательных целей, знание должно быть «сдобрено солью» любви. Действие слепо без знания, а знание бесплодно без любви. Ведь «тот, кто одушевлён истинной любовью, успешно обнаруживает причины нищеты, находит средства борьбы с ней и решительно её побеждает»[75]. Что касается явлений, с которыми мы имеем дело, любовь в истине прежде всего требует,

чтобы мы познавали и понимали, учитывая и уважая особую компетенцию каждого уровня знаний. Любовь – не последующее добавление, не приложение к работе, уже проделанной разными дисциплинами; любовь ведёт с ними диалог с самого начала. Требования любви не противоречат требованиям разума. Человеческих знаний недостаточно, и выводы наук сами по себе не смогут указать путь к целостному развитию человека. Всегда нужно двигаться дальше: этого требует любовь в истине[76]. Однако идти дальше – отнюдь не значит отказываться от заключений разума, противоречить результатам его работы. Ум и любовь неразделимы: *любовь богата умом, а ум полон любви*.

31. Это значит, что моральные оценки и научный поиск должны идти рука об руку, а любовь призвана одушевлять их, сводя в гармоничное междисциплинарное целое, где они пребывают в единстве, но не утрачивают различий. Социальное учение Церкви, у которого есть «*важное междисциплинарное измерение*»[77], может в этой перспективе выполнять исключительно действенную функцию. Оно позволяет вере, богословию, метафизике и наукам найти своё место в совместном служении человеку. Именно здесь социальное учение Церкви максимально раскрывается в аспекте мудрости. Павел VI ясно видел, что одна из причин отставания в развитии – это нехватка мудрости, рассуждения, мысли, способной сформулировать итоговое руководство[78], для которого требуется «ясное видение всех экономических, социальных, культурных и духовных аспектов»[79]. Чрезмерная раздробленность знания[80], закрытость гуманитарных наук по отношению к метафизике[81], затруднения в диалоге между науками и богословием вредят не только развитию знания, но и развитию народов, потому что, когда действуют эти факторы, они мешают увидеть целостное благо человека в разнообразных измерениях, для него характерных. Необходимо «расширить наше представление о разуме и о его использовании»[82], чтобы суметь правильно оценить все аспекты вопроса о развитии и все аспекты решения социально-экономических проблем.

32. Грандиозные перемены, обновившие сегодняшнюю картину развития народов, во многих случаях требуют *новых решений*. Искать их нужно, соблюдая законы, присущие каждой реалии, и вместе с тем учитывая целостное представление о человеке, отражающее различные аспекты человеческой личности, которую созерцает взгляд, очищенный любовью. И тогда обнаружатся изумительные созвучия и конкретные решения, причём ни от одного фундаментального компонента человеческой жизни не придётся отказываться.

Достоинство личности и справедливость требуют, особенно сегодня, чтобы экономические решения не увеличивали – сверх меры и вопреки требованиям морали – имущественное неравенство[83] и чтобы *приоритетной целью оставалась доступность работы* или возможность сохранить работу – для всех. При внимательном рассмотрении мы увидим, что у этих требований есть и «экономическое основание». Систематическое увеличение неравенства между социальными группами внутри одной страны и между населением разных стран, то есть значительный рост бедности в относительном смысле, не только

подрывает социальную сплочённость и тем самым подвергает опасности демократию, но и оказывает пагубное влияние на экономику, поскольку неотвратимо размывает «социальный капитал» – ту совокупность отношений в духе доверия, надёжности, уважения к правилам, которая необходима любому гражданскому обществу.

Всё та же экономическая наука говорит нам, что структурная неуверенность снижает рабочий настрой и приводит к разбазариванию человеческих ресурсов, поскольку работник стремится пассивно приспособиться к автоматическим механизмам, вместо того чтобы действовать творчески. В этом вопросе также совпадают свидетельства экономической науки и этики. *Человеческие затраты – это и экономические затраты*, а экономические неурядицы всегда приводят к человеческим затратам.

Кроме того, нужно помнить, что сведение культур к технологическому измерению, хотя и может на короткое время способствовать получению прибыли, в долгосрочной перспективе препятствует взаимному обогащению и динамике сотрудничества. Важно отличать краткосрочные экономические и социологические выкладки от долгосрочных. Понижать уровень охраны прав трудящихся или пренебрегать механизмами перераспределения дохода, чтобы повысить конкурентоспособность страны на международном уровне – значит препятствовать укоренению долгосрочного развития. Поэтому необходимо оценить, как повлияют на людей нынешние экономические тенденции, ориентированные на краткую, а порой кратчайшую перспективу. Для этого нужны *новые и углублённые размышления над смыслом экономики и её целей*^[84]. Также следует основательно и дальновидно пересмотреть модель развития, чтобы исправить недостатки и искажения. Этого требуют состояние экологического здоровья планеты и, в особенности, культурный и моральный кризис человека, уже давно демонстрирующий свои симптомы повсюду в мире.

33. Спустя более сорока лет после энциклики *Populorum progressio* её главная тема, прогресс, *по-прежнему остаётся открытой проблемой*, а нынешний экономико-финансовый кризис только усиливает её остроту и настоятельность. Если некоторые регионы планеты, некогда страдавшие от бедности, заметно преобразились – они растут в экономическом отношении и участвуют в мировом производстве, – то другие зоны всё ещё живут в нищете, сопоставимой с той, что которая была во времена Павла VI, а в ряде случаев можно даже говорить об ухудшении. Показательно, что некоторые причины этого положения уже были названы в *Populorum progressio* – так, например, высокие таможенные пошлины, установленные экономически развитыми странами, всё ещё не позволяют товарам из бедных стран попасть на рынки богатых стран. А другие причины, в энциклике лишь бегло очерченные, впоследствии проявились с большей очевидностью. Пример – оценка процесса деколонизации, в те времена шедшего полным ходом. Павел VI считал желательным автономное движение, свободное и мирное. Спустя более сорока лет мы должны признать, что этот процесс был очень трудным – как из-за новых форм колониализма и зависимости

от стран-гегемонов, старых и новых, так и в силу вопиющей безответственности внутри самих стран, обретших независимость.

Принципиально новым фактором стал *бурный рост общемировой взаимозависимости*, сегодня всем известный как глобализация. Павел VI отчасти предвидел её, но в изумление приводят её темпы и мощь. Возникнув в экономически развитых странах, этот процесс в силу своей природы распространился на все экономические системы. Он стал главной движущей силой, позволившей целым регионам преодолеть отставание в развитии; сам по себе он – великая возможность. Однако, не руководимый любовью в истине, этот всемирный рывок может способствовать возникновению рисков, до сих пор неслыханных, и новых разделений в человеческой семье. Поэтому любовь и истина ставят перед нами беспрецедентную творческую задачу, масштабную и сложную. Мы должны *расширить разум, воспитать в нём способность познавать и направлять эти мощные новые движения* к той «цивилизации любви», семена которой Бог посеял в каждом народе, в каждой культуре.

Глава третья

Братство, экономическое развитие и гражданское общество

34. *Любовь в истине* позволяет человеку пережить изумительный опыт дара. Бескорыстие присутствует в нашей жизни во многих формах, зачастую не распознаваемых из-за потребительского и утилитаристского взгляда на жизнь. Человеческое существо сотворено для дара, в котором выражается и реализуется его трансцендентное измерение. Порой современный человек ошибочно полагает, что он – единственный творец самого себя, своей жизни и общества. Такое самомнение, следствие эгоистической замкнутости, восходит (если говорить языком веры) к *первородному греху*. Мудрая и неизменная рекомендация Церкви – учитывать первородный грех, истолковывая социальные реалии и выстраивая общество: «Если мы отказываемся принять тот факт, что природа человека повреждена и склонна ко злу, мы создаём простор для серьёзных ошибок в области образования, политики, общественной деятельности и нравов»^[85]. К перечню сфер, в которых проявляются пагубные последствия греха, уже давно прибавилась экономика. Яркое доказательство этого имеется и в наши дни. Человек считает себя самодостаточным и полагает, что способен одними своими силами уничтожить зло, присутствующее в истории, поэтому он отождествил счастье и спасение с имманентными формами материального благополучия и общественной деятельности. А убеждённость в том, что экономика должна быть автономной и не подверженной нравственному «влиянию», побудила человека злоупотреблять экономическим процессом, с весьма деструктивными последствиями. Со временем эти убеждения привели к построению экономических, социальных и политических систем, которые попрали свободу личности и общественных

объединений и именно по этой причине не сумели обеспечить справедливость, ими обещанную. Как я отметил в энциклике *Spe salvi*, таким путём из истории изымается *христианская надежда*^[86], мощный социальный ресурс, служащий целостному человеческому развитию, созидаемому в свободе и справедливости. Надежда ободряет разум и даёт ему силу руководить волей^[87]. Надежда уже присутствует в вере, которая её и породила. Любовь в истине питается надеждой и в то же время её демонстрирует. Надежда – дар Божий, абсолютно незаслуженный – врывается в нашу жизнь как нечто, чего не должно быть, что выходит за рамки всех законов справедливости. Дар по своей природе превосходит заслугу, его правило – преизбыток. Он предваряет нас в наших собственных душах как знак присутствия Божьего в нас и как знак Его ожидания, обращённого к нам. Истина (которая есть дар, как и любовь) превосходит нас, – учит св. Августин^[88]. Так и истина о нас, истина нашего личного сознания, есть прежде всего «то, что дано». Ведь в любом познавательном процессе мы никогда не творим истину, а находим её, точнее, получаем. Она, как и любовь, «не возникает по мысли и желанию человека, а в некотором смысле навязывается ему извне»^[89].

Любовь в истине, поскольку она – дар, полученный всеми, есть сила, созидаящая общину, объединяющая людей таким образом, что между ними нет барьеров и границ. Мы можем сами выстроить сообщество людей, но одними своими силами оно никогда не сумеет сделаться вполне братским, преодолеть все границы, то есть стать по-настоящему всеобщим. Единство человеческого рода, братское общение без всяких разделений рождается из призыва, заключённого в слове Бога, Который есть Любовь. Рассматривая этот принципиальный вопрос, мы должны уточнить, с одной стороны, что логика дара не исключает справедливости и не прибавляется к ней позже и извне. С другой стороны, чтобы экономическое, социальное и политическое развитие было подлинно человеческим, оно должно содержать в себе *принцип бескорыстия* как проявление братства.

35. Если есть общее взаимное доверие, *рынок* представляет собой экономический институт, позволяющий встречаться людям как экономическим субъектам, которые регулируют свои отношения договорами и обмениваются эквивалентными благами и услугами, чтобы удовлетворить свои потребности и желания. Рынок подчинён принципам так называемой *коммукативной справедливости*, которая, собственно, и регулирует отношения между субъектами, что-либо отдающими и получающими на паритетных началах. Но социальное учение Церкви не перестаёт подчёркивать, что *распределительная справедливость* и *социальная справедливость* тоже важны для самой же рыночной экономики – не только потому, что она включена в более широкий социально-политический контекст, но и из-за сети отношений, в которых она работает. Ведь рынок, регулируемый одним лишь принципом равноценности обмениваемых благ, не сумеет установить ту социальную сплочённость, в которой сам нуждается для успешного функционирования. *Без внутренних форм солидарности и взаимного доверия рынок не может в полной мере осуществлять свою экономическую функцию.* А сегодня именно доверие иссякло, и это тяжкая потеря.

Павел VI справедливо отметил в *Populorum progressio*, что сама экономическая система окажется в выигрыше, если справедливые порядки станут общепринятыми, поскольку первыми извлекут выгоду из развития бедных стран именно богатые страны[90]. Речь шла не только об исправлении недостатков посредством оказания помощи. Бедных следует считать не «обузой»[91], а ресурсом, в том числе и с узко экономической точки зрения. Однако ошибаются и те, кто полагает, что рыночная экономика в силу своей структуры нуждается в некой квоте бедности и недоразвитости, чтобы функционировать оптимально. В интересах рынка – поощрять эмансипацию, но, чтобы в этом преуспеть, он не может рассчитывать лишь на себя, поскольку он не в состоянии самостоятельно произвести то, что выходит за пределы его возможностей. Он должен черпать нравственные силы у других субъектов, способных такие силы источать.

36. Экономическая деятельность не может разрешить все социальные проблемы, просто применив к ним *коммерческую логику*. Последнюю нужно *направить на достижение общего блага*, забота о котором должна быть возложена, в первую очередь, на политическое сообщество. Поэтому следует помнить, что к тяжким нарушениям равновесия приводит отрыв экономической деятельности, которая якобы лишь производит богатство, от политической, которая обязана обеспечивать справедливость путём перераспределения.

Церковь всегда утверждала, что экономическую деятельность нельзя рассматривать как антиобщественную. Рынок сам по себе не является и не должен становиться местом, где сильный притесняет слабого. Общество не должно защищаться от рынка, как если бы развитие последнего неизбежно разрушало подлинно человеческие отношения. Конечно, рынок может обрести негативную окраску – не потому, что такова его природа, а потому, что некая идеология может его развернуть в таком направлении. Не будем забывать, что рынок не существует в чистом виде. Его форма зависит от культурных конфигураций, придающих ему специфику и ориентацию. Ведь экономика и финансы как инструменты могут быть неверно использованы, если тот, кто ими управляет, преследует лишь эгоистические цели. Тогда он сумеет трансформировать инструменты, сами по себе доброкачественные, во вредоносные орудия. Но в этом виноват помутившийся разум человека, а не инструмент как таковой. Поэтому нужно призывать к ответу не инструмент, а человека с его совестью, с его личной и социальной ответственностью.

Социальное учение Церкви утверждает, что подлинно человеческие отношения, дружеские и общественные, солидарные и взаимные, могут устанавливаться в рамках экономической деятельности, а не только вне её или «после» неё. Экономическая сфера не нейтральна этически, но и не бесчеловечна и не антисоциальна по своей природе. Она принадлежит к человеческой деятельности, и – именно потому, что это деятельность человеческая – её следует структурировать и оформлять в этическом ключе.

Перед нами стоит грандиозный вызов, брошенный проблемами развития в эпоху

глобализации и обострённый финансово-экономическим кризисом: мы призваны показать – и на теоретическом, и на практическом уровне, – что не только традиционные принципы социальной этики, такие как прозрачность, честность и ответственность, не должны быть преданы забвению или ослаблены, но и что *в коммерческих отношениях принцип бескорыстия* и логика дара как проявление братства могут и обязаны *занять своё место в нормальной экономической деятельности*. Это необходимо сегодня человеку, но того же требует экономическая логика. Требование исходит одновременно от любви и от истины.

37. Социальное учение Церкви всегда утверждало, что *справедливость должна присутствовать на всех этапах экономической деятельности*, поскольку последняя всегда имеет отношение к человеку и его нуждам. Выявление ресурсов, финансирование, производство, потребление и все прочие фазы экономического цикла неизбежно имеют нравственную окраску. *Из каждого экономического решения вытекает следствие морального характера*. Всё это подтверждено данными социальных наук и тенденциями современной экономики. Возможно, некогда разумно было сначала верить экономике производство благ, а затем политике – их распределение. Сегодня всё сложнее, поскольку экономическая деятельность не ограничена территориальными границами, тогда как власть правительств остаётся преимущественно локальной. Поэтому необходимо соблюдать законы справедливости с самого начала, в то время как протекает экономический процесс, а не после него и не в стороне от него. Кроме того, рынок должен предоставить пространство для экономической деятельности субъектам, которые свободно принимают решение подчинять свои действия иным принципам, чем принцип чистой прибыли, но при этом не отказываются производить экономические ценности. Многочисленные экономические проекты, восходящие к инициативам монашествующих и мирян, показывают, что на практике это возможно.

В эпоху глобализации на экономику влияют соревновательные модели, связанные с очень разными культурами. Для соответствующих форм экономического предпринимательства преимущественной точкой соприкосновения становится уважение к коммутативной справедливости. *Экономическая жизнь*, несомненно, нуждается в *договоре*, чтобы регулировать обмен равными ценностями. Но, кроме того, ей нужны *справедливые законы и формы перераспределения*, которыми управляет политика, а также дела, вдохновлённые *духом дара*. Кажется, что глобализированная экономика отдаёт предпочтение первому варианту, а именно договорному обмену, но прямо или косвенно она показывает, что нуждается и в двух других: в политической логике и в логике безвозмездного дара.

38. Мой предшественник Иоанн Павел II затронул эту проблематику, когда в энциклике *Centesimus annus* указал, что необходима система с тремя субъектами: *рынком, государством* и *гражданским обществом*^[92]. По его мнению, гражданское общество – наиболее подходящая среда для *экономики, основанной на бескорыстии* и братстве. Но он не имел в виду, что с двумя другими сферами такая экономика не сочетается. Сегодня мы

можем сказать, что экономическую жизнь следует понимать как реалию с многими измерениями. И во всех этих измерениях, в разной степени и с индивидуальной спецификой, должны быть представлены братские взаимоотношения. В эпоху глобализации экономическая деятельность не может отказаться от бескорыстия, которое сеет и питает солидарность и ответственность, ради справедливости и общего блага своих разнообразных субъектов и деятелей. В конечном счёте, речь идёт о конкретной и глубокой форме экономической демократии. Солидарность – это в первую очередь осознание того, что все ответственны за всех^[93], а потому её нельзя вменить в обязанность одному лишь государству. Если вчера можно было полагать, что сначала нужно добиться справедливости, а бескорыстие придёт потом, в качестве приложения, то сегодня приходится признать, что без бескорыстия не удаётся достичь даже справедливости. Поэтому нам нужен рынок, в котором могли бы свободно действовать, в условиях равных возможностей, предприятия с различными институциональными целями. Бок о бок с частными компаниями, ориентированными на прибыль, и с разнообразными государственными предприятиями, должны укореняться и процветать производственные организации с взаимовыгодными и социальными целями. Их взаимодействие на рынке может породить своеобразный гибрид различных форм предпринимательства и привлечь пристальное внимание к тому, как нам *цивилизовать экономику*. Любовь в истине в этом случае подразумевает, что нужно придать форму и структуру тем экономическим начинаниям, которые, не отказываясь от прибыли, намереваются пойти дальше, чем позволяет логика обмена равными ценностями и прибыли как самоцели.

39. Павел VI в *Populorum progressiore* рекомендовал начертать *модель рыночной экономики, включающую в себя, хотя бы теоретически, все народы, а не только те, которые надлежащим образом оснащены*. Папа призывал прилагать усилия к построению мира, более гуманного для всех, в котором у всех будет что «отдать и принять, а прогресс одних не воспрепятствует развитию других»^[94]. Тем самым Павел VI вывел на глобальный уровень просьбы и ожидания, содержащиеся в энциклике *Rerum novarum*, которая была написана в то время, когда, вследствие промышленной революции, зародилась следующая идея (несомненно, передовая для той эпохи): чтобы сохранялся гражданский порядок, требуется вмешательство государства – а именно, перераспределение. Эта идея пошатнулась, когда рынки и общества стали открытыми, а теперь она демонстрирует свою недостаточность для построения подлинно гуманной экономики. Процессы, характерные для глобализации, сегодня требуют именно того, что всегда утверждала Церковь в социальном учении, исходя из своего представления о человеке и обществе.

Когда логика рынка и логика государства заключают соглашение, чтобы сохранить монопольное влияние на соответствующие сферы, в долговременной перспективе приходят в упадок солидарность в отношениях между гражданами, участие, согласие, бескорыстная деятельность, которые в корне отличаются от установки «отдавать, чтобы получить» (логика обмена) и «отдавать по обязанности» (поведение в обществе, требуемое

государством по закону). Чтобы преодолеть отставание в развитии, необходимо не только совершенствовать операции (транзакции), основанные на обмене, не только внедрять структуры государственной помощи, но и, в первую очередь, содействовать тому, *чтобы во всемирном контексте укреплялись формы экономической деятельности, в которых есть доля бескорыстия и единства*. Исключительное господство рынка и государства разъедает общественную жизнь, тогда как солидарные экономические формы – те, что расцветают на почве гражданского общества, но к нему не сводятся – созидают общественную жизнь. Бескорыстного рынка не бывает, и нельзя требовать бескорыстия по закону. Однако и рынку, и политике нужны люди, способные приносить друг другу дары.

40. Нынешние международные экономические процессы, с большими перекосами и недостатками, заставляют нас *решительно пересмотреть представления о предпринимательстве*. Приходят в упадок старые методы предпринимательской деятельности, но на горизонте появляются новые, многообещающие. Один из главных рисков, несомненно, состоит в том, что предприятия соотносятся почти исключительно с интересами своих инвесторов, из-за чего снижается их социальная значимость. Увеличение их масштабов и растущая потребность в капиталах приводят к тому, что всё реже встречаются предприятия, устойчиво возглавляемые одним предпринимателем, который ощущает ответственность – долговременную, а не только кратковременную – за жизнь и плоды своего предприятия; и всё меньше предприятий зависят от одного региона. Кроме того, так называемая делокализация производственной деятельности может ослабить в предпринимателе чувство ответственности перед заинтересованными лицами: работниками, поставщиками, потребителями, а также перед природной средой и более широким местным обществом, к выгоде акционеров, которые не связаны с определённой территорией, а потому исключительно мобильны. Ведь сегодня международный рынок капиталов предоставляет немалую свободу действия. Однако верно и то, что всё больше людей осознали необходимость более широкой «социальной ответственности» предприятия. Хотя не все этические принципы, руководящие сегодня дебатами о социальной ответственности предприятия, приемлемы для социального учения Церкви, растёт число тех, кто полагает, что *руководство предприятия не может учитывать интересы только его владельцев, но должно заботиться и обо всех прочих категориях людей, участвующих в жизни предприятия*: о работниках, клиентах, поставщиках материалов, об окружающем сообществе. В последние годы заметен рост космополитического класса менеджеров; они зачастую руководствуются лишь указаниями акционеров, обычно представленных анонимными фондами, от которых фактически зависит зарплата менеджера. Однако и сегодня многие менеджеры, дальновидно анализируя ситуацию, всё яснее видят, сколь крепкими узами их предприятие связано с регионом или с регионами, где оно работает. Павел VI призывал серьёзно оценить ущерб, каким чревато для народа перемещение капиталов за границу, преследующее исключительно личную выгоду^[95]. Иоанн Павел II предупреждал, что *у инвестирования всегда есть моральное*, а не только экономическое значение^[96]. Нужно подчеркнуть, что всё это актуально и сегодня, хотя

рынок капиталов претерпел существенную либерализацию, а современная технологическая ментальность побуждает думать, что инвестирование – это чисто техническое действие, без человеческой и этической подоплёки. Бесспорно, в некоторых случаях капитал благотворнее инвестировать за границей, чем на родине. Однако необходимо соблюсти справедливость: учесть, как сформировался капитал и какой ущерб понесут люди от того, что он не был использован в той местности, где сформировался[97]. Основания для *эксплуатации финансовых ресурсов* не должны быть спекулятивными; нельзя уступать искушению краткосрочной прибыли, не заботясь о долговременной устойчивости предприятия и о его полезности для реальной экономики и не оказывая надлежащей поддержки экономическим инициативам в странах, нуждающихся в развитии. Бесспорно и то, что делокализация, сопряжённая с инвестициями и обучением, полезна населению страны-получателя. Работа и технические знания нужны всем. Но недопустимо экспортировать капитал только ради особых благоприятных условий или, хуже того, ради эксплуатации, не содействуя формированию в местном обществе крепкой производственной и социальной системы, неотъемлемого фактора стабильного развития.

41. В этом контексте полезно отметить, что *предпринимательство* – многозначное понятие, и спектр его значений должен только расширяться. Длительное преобладание альтернативы рынок–государство приучило нас думать исключительно о частном предпринимателе капиталистического типа, с одной стороны, и о государственном руководителе – с другой. А на самом деле предпринимательство многолико. К этому приводит ряд метаэкономических мотивов. У предпринимательства есть не только профессиональный, но и, прежде всего, человеческий смысл[98]. Оно присутствует в каждой работе, рассматриваемой как *actus personae* [действие личности][99], в силу чего нужно предоставить каждому трудящемуся возможность вносить свой вклад в общее дело, чтобы он сам «знал, что работает “на себя”»[100]. Неслучайно Павел VI учил: «Каждый работник – творец»[101]. Именно для того, чтобы соответствовать требованиям и достоинству трудящегося и нуждам общества, предприятия подразделяются на много видов, а отнюдь не только на «частные» и «государственные». Каждый вид требует особых предпринимательских способностей и позволяет соответствующим образом их применить. Чтобы построить экономику, которая в ближайшем будущем сможет служить общему благу страны и мира, нужно учитывать всю гамму смыслов предпринимательства. Эта более широкая концепция содействует взаимному обучению и обмену между разными типами предпринимательства, с перетеканием знаний и умений из некоммерческой сферы в коммерческую и наоборот, из государственного сектора – в гражданское общество, из экономически продвинутых систем – в развивающиеся страны.

У *политической власти* тоже есть *поливалентный смысл*, о чём нельзя забывать, приступая к построению нового производственно-экономического порядка, социально ответственного и соразмерного человеку. Культивируя дифференцированное предпринимательство в мировом масштабе, мы должны способствовать тому, чтобы и политическая власть

распределялась и действовала на многих уровнях. Сегодняшняя интегрированная экономика не упраздняет роль государств, а напротив, ожидает от правительств более тесного сотрудничества. Благоразумие и осторожность требуют не объявлять слишком поспешно, что государству пришёл конец. В преодолении нынешнего кризиса роль государства, по-видимому, будет возрастать, и многие прерогативы к нему вернутся. Кроме того, есть страны, где построение или восстановление государства остаётся ключевым элементом развития. *Международная помощь* в рамках солидарного проекта, нацеленного на решение нынешних экономических проблем, должна способствовать консолидации конституционных, правовых, административных систем в странах, ещё не в полной мере пользующихся этими благами. Наряду с экономической помощью нужно содействовать упрочению гарантий, присущих *правовому государству*, совершенствовать подлинно демократические институты: систему охраны общественного порядка и систему уголовных наказаний, с эффективным соблюдением прав человека. Необязательно, чтобы у государства были повсюду одни и те же черты: поддержка слабых конституционных систем, направленная на их усиление, прекрасно может сопровождаться развитием других политических субъектов – культурного, социального, территориального или религиозного характера – наряду с государством. Дробление политической власти на местном, национальном и международном уровне – это, помимо прочего, один из главных инструментов, позволяющих управлять экономической глобализацией. Это также способ избежать того, чтобы она фактически подорвала основы демократии.

42. Иногда на *глобализацию* смотрят фаталистически, словно нынешними процессами движут анонимные безличные силы и структуры, независимые от человеческой воли[102]. В связи с этим полезно напомнить, что глобализацию следует, разумеется, воспринимать как социально-экономический процесс, но это не единственное её измерение. За видимым фасадом скрывается рост взаимосвязей внутри человечества; оно состоит из людей и народов, для которых этот процесс должен стать источником пользы и развития[103], благодаря тому что индивиды и коллектив возьмут на себя надлежащую ответственность. Преодоление границ – факт не только материальный, но и культурный, если говорить о его причинах и следствиях. При детерминистском взгляде на глобализацию мы теряем критерии, позволяющие её оценивать и направлять. Она – дело человеческое; за ней стоят разные культурные установки, требующие различения. Истинное лицо глобализации как процесса и её основной этический критерий – это единство человеческой семьи и её развитие в добре. Поэтому надлежит неустанно *поддерживать тот культурный аспект процесса всемирной интеграции, который направлен на благо личности и сообщества и открыт трансцендентному.*

Несмотря на структурные измерения, которых нельзя отрицать, но и не нужно абсолютизировать, «глобализация априори не плоха и не хороша. Она будет такой, какой её сделают люди»[104]. Мы должны быть не её жертвами, а активными участниками. Нам следует действовать разумно, руководствуясь любовью и истиной. Слепо противиться

глобализации – значит поступать ошибочно и предубеждённо, пренебрегать процессом, в котором есть и положительные аспекты, упускать многообразные возможности для развития, какие он предоставляет. Процессы глобализации, должным образом воспринимаемые и направляемые, позволяют произвести великое и беспрецедентное перераспределение богатств на планетарном уровне. Но при неправильном управлении эти процессы могут привести к возрастанию бедности и неравенства, а также заразить кризисом весь мир. Нужно *исправлять нарушения*, порой серьёзные, которые приводят к новым разделением между народами и внутри народов, и действовать так, чтобы перераспределение богатств не сопровождалось перераспределением бедности или даже её обострением, чего можно опасаться при ненадлежащем управлении нынешней ситуацией. Долгое время считалось, что бедные народы должны оставаться прикованными к predetermined стадии развития и довольствоваться проявлениями филантропии со стороны развитых стран. Против этого образа мыслей выступил Павел VI в *Populorum progressio*. Сегодня материальные силы, какими можно воспользоваться, чтобы вывести эти народы из нищеты, возросли по сравнению с прошлым, но ими завладели преимущественно всё те же народы развитых стран, которым либерализация движения капитала и труда принесла наибольшую выгоду. Итак, распространению сфер благополучия на мировом уровне не должны препятствовать проекты эгоистические, протекционистские или продиктованные частными интересами. Ведь привлечение стран, недавно получивших независимость или развивающихся, к участию в общих делах позволяет сегодня лучше справляться с кризисом. Переход, сопряжённый с процессом глобализации, чреват серьёзными трудностями и опасностями, и мы сможем их преодолеть, только если сумеем увидеть ту антропологическую и этическую движущую силу, которая из глубины подталкивает саму глобализацию к гуманизму и солидарности. К сожалению, эту силу часто подавляют индивидуалистические и утилитаристские этико-культурные устремления. Глобализация – это многомерное и поливалентное явление, и рассматривать его нужно в многообразии и единстве всех его аспектов, включая богословский. Это позволит воспринимать и *направлять глобализацию человечества в терминах взаимоотношений, в терминах единства и солидарности*.

Глава четвёртая

Развитие народов, права и обязанности, окружающая среда

43. «Всеобщая солидарность, непреложный факт и благо для нас, есть также и обязанность»^[105]. Сегодня многие склонны утверждать, что они ничего не должны никому, кроме себя самих. Они полагают, что у них есть только права, и зачастую сталкиваются с огромными препятствиями на пути формирования ответственности за целостное развитие, своё и других людей. Поэтому важно положить начало новому размышлению над тем

фактом, что *права сопряжены с обязанностями, без которых превращаются в произвол*^[106]. Сегодня мы наблюдаем глубокое противоречие. С одной стороны, кто-то претендует на произвольные и не обязательные права, требуя, чтобы государственная структура их признала и взяла под свою защиту. С другой стороны, не признаны и попораны элементарные и фундаментальные права немалой части человечества^[107]. Часто указывают на связь между борьбой за право на излишнее, а то и на беззаконие и порок, в обществах изобилия – и нехваткой пищи, питьевой воды, базового образования и элементарной медицинской помощи в некоторых регионах, отстающих в развитии, и даже на окраинах метрополий. Связь заключается в том, что борьба за индивидуальные права вне контекста обязанностей, придающего этим правам завершённый смысл, закручивается в безумную спираль требований, практически бесконечную и лишённую критериев. Исступлённая сосредоточенность на правах выливается в забвение обязанностей. Обязанности налагают ограничения на права, поскольку апеллируют к антропологической и этической перспективе, в которую права тоже включены, что позволяет им не превращаться в произвол. Поэтому обязанности придают правам силу и выдвигают защиту и укрепление прав как задачу в рамках служения благу. Если же единственным основанием для прав человека служат решения, принятые на собраниях граждан, такие права могут быть изменены в любой момент, а значит, обязанность соблюдать их и отстаивать блекнет в общем сознании. И тогда правительства и международные организации могут забыть об объективности и «неустранимости» прав. Когда это происходит, подлинное развитие народов оказывается под угрозой^[108]. Подобное поведение подрывает авторитет международных организаций, особенно в тех странах, которые более других нуждаются в развитии. Ведь эти страны требуют, чтобы международное сообщество обязалось помочь им стать «творцами своей судьбы»^[109], то есть, в свою очередь, взять на себя обязанности. *Распределение взаимных обязанностей мобилизует гораздо действеннее, чем одна только борьба за права.*

44. Рассматривая права и обязанности в контексте развития, нужно учитывать и проблематику, связанную с *демографическим ростом*. Это очень важный аспект подлинного развития, поскольку здесь затронуты неотъемлемые ценности жизни и семьи^[110]. Считать рост населения первопричиной отставания в развитии ошибочно, в том числе и с экономической точки зрения: достаточно упомянуть, с одной стороны, значительное сокращение детской смертности и увеличение средней продолжительности жизни в экономически развитых странах, а с другой – признаки кризиса в обществах, где зафиксирован спад рождаемости, вселяющий тревогу. Разумеется, по-прежнему необходимо уделять должное внимание ответственному деторождению, которое, кстати сказать, служит действенным вкладом в целостное человеческое развитие. Церковь, заботясь о подлинном развитии человека, рекомендует ему относиться с полным уважением к человеческим ценностям, в том числе и в сексуальной жизни, которую нельзя низводить на чисто эгоистический и игровой уровень, подобно тому как сексуальное воспитание нельзя сводить к техническому обучению с одной заботой: защитить

заинтересованных лиц от возможного заражения или от «опасности» зачать ребёнка. Это значило бы обеднить или же игнорировать глубокий смысл сексуальности, тогда как он нуждается в признании и ответственном принятии как со стороны личности, так и со стороны сообщества. Ведь ответственность не позволяет рассматривать сексуальность просто как источник наслаждения или регулировать её политическими мерами насильственного планирования рождаемости. В обоих случаях речь идёт о материалистических представлениях и методах, при которых люди подвергаются насилию в разных формах. Всему этому следует противопоставить компетенцию семей в данной области [111] – первоочередную по отношению к государству с его ограничительной политикой, – а также надлежащее воспитание родителей.

Нравственно ответственная открытость навстречу жизни – это социальное и экономическое богатство. Великие нации смогли выбраться из нищеты, в частности, благодаря числу и способностям своих жителей. И напротив, нации, некогда процветавшие, сегодня переживают фазу неопределённости, а в некоторых случаях упадка, именно из-за снижения рождаемости, представляющего собой острейшую проблему для экономически состоятельных обществ. Падение рождаемости, иногда ниже так называемого «индекса замещения», ввергает в кризис систему социальной помощи, увеличивает затраты на неё, ведёт к сокращению накоплений, а значит, финансовых ресурсов, необходимых для инвестирования, сужает круг квалифицированных работников, истощает запас «мозгов», откуда нация может черпать для удовлетворения своих нужд. Кроме того, если семьи малы, а порой и очень малы, возникает опасность, что социальные отношения станут беднее, а действенные формы солидарности не получат надёжных гарантий. В этих ситуациях заметны симптомы скудной веры в будущее, а также моральной усталости. Поэтому, с социальной и даже с экономической точек зрения, необходимо опять показывать новым поколениям красоту семьи и брака, объяснять, что эти институты отвечают глубочайшим потребностям сердца и достоинству личности. Государства призваны *проводить политику, укрепляющую главенство и целостность семьи*, основанной на браке между мужчиной и женщиной, семьи как первой и жизненно важной ячейки общества [112]; государства призваны помогать ей в решении экономических и налоговых проблем, уважая её природу, основанную на взаимоотношениях.

45. Удовлетворение глубочайших нравственных запросов личности приводит к важным и благотворным последствиям на экономическом уровне. *Ведь экономика нуждается в этике, чтобы правильно функционировать*, – но не в любой этике, а в такой, которая ориентирована на личность. Сегодня много говорят об этике в экономической, финансовой, хозяйственной области. Появляются учебные центры и курсы *бизнес-этики*; в развитых странах получает распространение система этической сертификации на основе движения, выступающего за социальную ответственность бизнеса. Банки предлагают так называемые «этические» счета и инвестиционные фонды. Развивается «этическое финансирование», прежде всего через микро-кредитование и, в более общей перспективе, микро-

финансирование. Эти процессы заслуживают высокой оценки и широкой поддержки. Их положительные следствия заявляют о себе даже в самых слаборазвитых уголках земли. Тем не менее, следовало бы разработать убедительный критерий различения, поскольку наблюдается некоторое злоупотребление прилагательным «этический»: в качестве общего слова его применяют для обозначения очень разных смыслов, и даже для прикрытия решений, противоречащих справедливости и подлинному благу человека.

Ведь многое зависит от системы моральных ориентиров. Социальное учение Церкви вносит в обсуждение этой темы свой особый вклад: на том, что человек был сотворён «по образу Божию» (Быт 1, 27), базируется неприкосновенное достоинство человеческой личности, а также трансцендентная ценность естественных моральных норм. Экономическая этика, пренебрегающая этими двумя столпами, неизбежно подвергается опасности утратить собственный смысл и превратиться в инструмент, а точнее говоря, подчиниться существующим экономико-финансовым системам, вместо того чтобы исправлять их неполадки. Помимо прочего, такая этика в конце концов принялась бы оправдывать финансирование проектов, отнюдь не этических. Далее, не следует применять слово «этический» в идеологическом, дискриминирующем ключе, давая понять, что неэтичны начинания, формально не размещённые под этой вывеской. Принципиально важно отметить: целью наших усилий должно быть не только формирование «этичных» секторов или сегментов экономики и финансов; этичной должна быть вся экономика и вся финансовая система, причём не только согласно этикетке, наклеенной извне, но в силу соблюдения требований, присущих самой их природе. На эту тему социальное учение Церкви высказывается ясно и напоминает, что экономика, со всеми своими отраслями, представляет собой одну из сфер человеческой деятельности^[113].

46. Рассматривая тему «*предприятие и этика*», а также эволюцию производственной системы, мы замечаем, что укоренившееся разделение между предприятиями, нацеленными на прибыль [*profit*], и организациями, не нацеленными на прибыль [*non profit*], уже не вполне соответствует реальному положению дел и не позволяет эффективно планировать будущее. В последние десятилетия возникло обширное промежуточное пространство между двумя типами предприятий. Его занимают: традиционные предприятия, которые, однако, заключают договоры о помощи отстающим странам; фонды, ассоциированные с отдельными предприятиями; группы предприятий, ориентированные на оказание социальной помощи; пёстрая гамма субъектов так называемой гражданской и общинной экономики. Это не только «третий сектор», а новая обширная, многосоставная область, которая объединяет в себе частные и государственные элементы и не исключает прибыли, но считает её орудием для достижения гуманитарных и социальных целей. Распределяет ли предприятие дивиденды, соответствует ли его юридическая структура той или иной установленной форме – это второстепенные вопросы по сравнению с готовностью воспринимать прибыль как инструмент для гуманизации рынка и общества. Желательно, чтобы эти новые формы предпринимательства получали во всех странах надлежащее

юридическое и налоговое оформление. Они, не умаляя социально-экономическую важность и полезность традиционных форм, подвигают систему к более ясному и полному принятию обязанностей экономическими субъектами. И это не всё. *Само многообразие институциональных форм предпринимательства порождает более цивилизованный и одновременно более конкурентный рынок.*

47. Укрепление разнообразных предприятий, особенно тех, которые способны видеть в прибыли инструмент для гуманизации рынка и общества, должно быть целью и в странах, оказавшихся в маргинальном положении, выброшенных за рамки глобальной экономики; здесь очень важны проекты в духе субсидиарности, правильно понятой и организованной, – проекты, которые содействуют укреплению прав, однако всегда предусматривают и выполнение соответствующих обязанностей. Принимая *меры в пользу развития*, нужно соблюдать принцип *главенства человеческой личности*; именно она должна первой взять на себя ответственность за развитие. Главная задача – улучшать жизненные условия конкретных людей в определённой местности, чтобы они могли исполнять те обязанности, к которым не могут приступить сейчас из-за нищеты. Забота никогда не должна быть абстрактной. Программы по развитию нуждаются в гибкости, чтобы можно было приспособить их к конкретным ситуациям, а благополучатели должны непосредственно участвовать в проектировании этих программ и играть главную роль в их реализации. Кроме того, необходимо пользоваться критериями прогрессивного и комплексного развития – включая мониторинг результатов, – поскольку универсальных рецептов нет. Многое зависит от того, каким конкретно образом программы будут реализованы. «Народы, творцы собственного развития, первыми несут за него ответственность. Но они не смогут развиваться в изоляции»^[114]. Сегодня, когда процесс общемировой интеграции движется по нарастающей, это предупреждение Павла VI звучит ещё уместнее. Включение отстающих стран в мировую экономику протекает отнюдь не механически. Принимаемые решения нужно соотносить с жизнью народов и конкретных людей, благоразумно оценивая каждую ситуацию. Наряду с макро-проектами нужны микро-проекты, а главное – требуется фактическая мобилизация всех субъектов гражданского общества: как юридических, так и физических лиц.

Для *международного сотрудничества* нужны люди, участвующие в экономическом и человеческом развитии посредством солидарного присутствия, сопровождения, обучения, уважительного отношения. С этой точки зрения, сами международные организации должны задаться вопросом о реальной эффективности своего бюрократического и административного аппарата, зачастую слишком дорогостоящего. Иногда тот, кому адресована помощь, попадает в подчинение к помощнику, как будто бедные нужны для того, чтобы поддерживать на плаву громоздкие бюрократические организации, затрачивающие на свои нужды слишком высокий процент тех ресурсов, которые на самом деле должны служить развитию. В этой перспективе желательно, чтобы все международные и неправительственные организации обязались соблюдать полную прозрачность:

информировать дарителей и общество о том, какая доля полученных капиталов потрачена на программы по сотрудничеству, о подлинном содержании этих программ и о расходах самого учреждения.

48. Тема развития сегодня тесно связана и с обязанностями, которые возникают из *отношений человека с природной средой*. Последняя дарована Богом всем людям, и её использование налагает на нас ответственность перед бедными, перед будущими поколениями и всем человечеством. Если природу, и в первую очередь человека, рассматривают как плод случая или эволюционного детерминизма, чувство ответственности тускнеет в людской совести. Верующий распознаёт в природе изумительный результат творческого действия Божия; человек может ответственно пользоваться природой для удовлетворения своих законных потребностей, материальных и нематериальных, не нарушая внутреннего равновесия, присущего творению. Если же он сходит с этой точки зрения, то либо смотрит на природу как на нечто неприкосновенное, как на табу, либо, напротив, злоупотребляет ею. Оба подхода не соответствуют христианскому взгляду на природу, сотворённую Богом.

Природа – это воплощение замысла любви и истины. Природа предшествует нам: Бог даровал её нам как среду для жизни. Она говорит нам о Творце (ср. Рим 1, 20) и о Его любви к человечеству. Ей предстоит пребывать «под главою Христом» в конце времён (ср. Еф 1, 9-10; Кол 1, 19-20). Следовательно, природа – это тоже «призвание»^[115]. Она находится в нашем распоряжении не как «куча отходов, беспорядочно разбросанных»^[116], а как дар Творца, Который начертал для неё внутреннее устройство, откуда человек должен извлечь надлежащие ориентиры, чтобы «возделывать и хранить» её (Быт 2, 15). Но следует подчеркнуть: представление, согласно которому природа важнее человеческой личности, противоречит подлинному развитию. Такая установка ведёт к неоязычеству и новому пантеизму; однако природа сама по себе, понимаемая в чисто натуралистическом смысле, не может быть источником спасения для человека. Впрочем, нужно отвергнуть и противоположную установку, направленную на полное техническое господство над природой: ведь окружающая среда – не материал, находящийся в нашем полном распоряжении, но восхитительный шедевр Творца, содержащий в себе «грамматику», которая указывает нам цели и критерии мудрого, а не инструментального и произвольного пользования природой. Сегодня именно эти искажённые представления причиняют немалый вред развитию. Сводить природу к совокупности простых фактических данных – источник насилия по отношению к среде и неуважительных действий, направленных на саму природу человека. Последняя состоит не только из материи, но и из духа и как таковая, будучи богата трансцендентными смыслами и целями, имеет нормативный характер для культуры. Человек интерпретирует и моделирует природную среду через культуру, а культуру направляет, ответственно пользуясь свободой, согласно требованиям нравственного закона. Поэтому, проектируя целостное человеческое развитие, мы не можем забывать о последующих поколениях, но должны *поступать солидарно и*

справедливо по отношению к ним, в самых разных сферах: экологической, правовой, экономической, политической, культурной[\[117\]](#).

49. Решая вопросы, связанные с заботой о природной среде и охраной этой среды, мы должны сегодня учитывать *энергетическую проблематику*. Ведь тот факт, что некоторые страны, силовые группы и предприятия завладели невозобновляемыми энергетическими ресурсами, серьёзно препятствует развитию бедных стран. У них нет экономических средств ни для доступа к существующим невозобновляемым источникам энергии, ни для поиска новых и альтернативных источников. Скупка природных ресурсов, которые во многих случаях находятся именно в бедных странах, порождает эксплуатацию и частые конфликты между нациями и внутри их. Такие конфликты часто вспыхивают именно на территории этих стран и влекут за собой тяжёлые последствия: гибель людей, разрушения и последующую деградацию. Насущная задача международного сообщества – найти институциональные способы упорядочить эксплуатацию невозобновляемых ресурсов, с участием бедных стран, чтобы вместе планировать будущее.

И в этой области у нас есть *неотложная моральная обязанность обновить солидарность*, особенно в отношениях между развивающимися и промышленно развитыми странами[\[118\]](#). Общества, передовые в техническом отношении, могут и должны сократить потребление энергии: как потому, что эволюционирует обрабатывающая промышленность, так и потому, что возрастает экологическая чуткость граждан. А ещё нужно добавить, что сегодня есть возможность повысить энергетическую эффективность и в то же время форсировать исследования альтернативных источников энергии. Однако необходимо и общемировое перераспределение энергетических ресурсов, чтобы страны, их лишённые, тоже получили к ним доступ. Судьбу этих стран нельзя отдать на откуп первому, кто занял выгодные позиции, или сильнейшему. Чтобы успешно решать эти важные проблемы, все мы должны ответственно взглянуть на последствия, от которых пострадают новые поколения, прежде всего очень многие молодые представители бедных народов – те, кто «на законных основаниях требует для себя активной роли в построении лучшего мира»[\[119\]](#).

50. Эта ответственность глобальна, поскольку касается не только энергии, но и всего творения: мы не должны оставить новым поколениям мир с истощёнными ресурсами. Человеку дозволено осуществлять ответственное управление природой: хранить её, извлекать из неё пользу и возделывать её, в том числе в новых формах и с помощью передовых технологий, чтобы она надлежащим образом принимала и питала население планеты. На нашей земле есть место для всех; на ней вся человеческая семья должна обрести ресурсы, необходимые для достойной жизни, с помощью самой природы, дара Божия Его детям, и с приложением собственного труда и собственной изобретательности. Однако мы должны понимать, что наша серьёзнейшая обязанность – передать землю новым поколениям в таком состоянии, чтобы и они могли достойно жить на ней и продолжать её возделывать. А отсюда вытекает обязательство принимать решения вместе,

«ответственно рассудив, по какой дороге идти, и ставя перед собой цель укрепить тот союз между человеком и природной средой, в каком должна отражаться творческая любовь Бога, от Которого мы исходим и к Которому идём»^[120]. Международное сообщество и отдельные правительства должны действительно противостоять тем способам использования природной среды, которые причиняют ей вред. Компетентным властям надлежит прилагать все усилия, чтобы экономические и социальные затраты на эксплуатацию общих природных ресурсов были преданы гласности и восполнены теми, кто извлекает выгоду, а не другими народами и не будущими поколениями. Охрана окружающей среды, ресурсов и климата требует, чтобы все ответственные международные инстанции действовали согласованно и выказывали готовность работать добросовестно, соблюдая закон и проявляя солидарность по отношению к наименее развитым регионам мира^[121]. Одна из основных задач экономики как раз и состоит в том, чтобы использовать ресурсы с наивысшей эффективностью, без злоупотреблений, всегда помня, что понятие эффективности не нейтрально в ценностном смысле.

51. *То, как человек обращается с природной средой, влияет на его обращение с самим собой, и наоборот.* Поэтому современное общество должно серьёзно пересмотреть свой образ жизни, который во многих регионах мира тяготеет к гедонизму и потребительству, при равнодушии к ущербу, из этого проистекающему^[122]. Необходимо реальное изменение менталитета; нам нужно выработать *новые образы жизни*, «при которых стремление к истинному, прекрасному и благому и общение с другими людьми ради совместного возрастания определяют выбор в области потребления, накопления и капиталовложений»^[123]. Всякое умаление солидарности и гражданской дружбы вредит окружающей среде, а экологическая деградация, в свою очередь, приводит общественные отношения в неудовлетворительное состояние. Природа, особенно в нашу эпоху, настолько включена в социальные и культурные процессы, что уже почти не играет независимой роли. Опустынивание и снижение плодородности почвы в некоторых сельскохозяйственных регионах вызваны, в частности, обеднением и отсталостью местного населения. Стимулируя экономическое и культурное развитие этих народов, мы тем самым заботимся и о природе. А сколько природных ресурсов разорено войнами! Мир народов и между народами позволит, помимо прочего, успешнее оберегать природу. Захват ресурсов, особенно воды, может привести к тяжёлым конфликтам между народами. А мирное соглашение о пользовании ресурсами защитит и природу, и благополучие заинтересованных обществ.

Церковь, ответственная за творение, должна заявить об этой ответственности перед лицом общества. При этом она обязана защищать не только землю, воду и воздух как тварные дары, принадлежащие всем. В первую очередь, она должна оберегать человека от саморазрушения. Необходима своего рода «экология человека», правильно понимаемая. Ведь ухудшение состояния природы тесно связано с культурой, моделирующей совместную жизнь людей: *когда общество заботится о «человеческой экологии»*^[124], это благотворно

сказывается и на окружающей среде. Известно, что человеческие добродетели взаимосвязаны, и ослабление одной из них подвергает риску остальные; так и экологическая система держится на уважении к замыслу, предусматривающему здоровое сосуществование в обществе и добрые отношения с природой.

Чтобы охранять природу, нужно не только применять меры экономического стимулирования или сдерживания. Соответствующего обучения тоже недостаточно. Это важные инструменты, но *решающую роль играет целостный нравственный уклад в обществе.* Если попрано право на жизнь и на естественную смерть, если зачатие, вынашивание и рождение человека становятся искусственными процессами, если человеческие эмбрионы превращены в подопытный материал, в общем сознании стирается понятие человеческой экологии, а вместе с ним теряет свои позиции и экология окружающей среды. Нелогично требовать от новых поколений уважения к природной среде, когда воспитание и законы не помогают им уважать самих себя. Книга природы едина и неделима, одни и те же принципы управляют как сферой окружающей среды, так и сферой жизни, сексуальности, брака, семьи, социальных отношений – одним словом, целостного человеческого развития. Наши обязанности перед окружающей средой связаны с обязанностями перед личностью – такой, какой она есть сама по себе, и в ее отношениях с другими. Нельзя требовать соблюдения первых и пренебрегать вторыми. Таково вопиющее противоречие нынешней ментальности и практической жизни; оно унижает личность, разоряет природную среду и вредит обществу.

52. Истина и любовь, раскрываемая истиной, не могут быть нами сконструированы, а могут быть только восприняты. Их первоисточник – не человек (и это не может быть иначе), а Бог – Тот, кто есть Истина и Любовь. Этот принцип очень важен для общества и для развития, поскольку ни то, ни другое не может быть лишь делом рук человеческих; само призвание к развитию людей и народов не основано на чисто человеческом решении, но вписано в замысел, нам предшествующий и всем нам предложенный как обязанность, которую надлежит свободно принять. То, что нам предшествует и нас созидает – сущая Любовь и Истина, – указывает нам, что такое благо и в чём состоит наше счастье. *А значит, указывает нам путь к подлинному развитию.*

Глава пятая

Сотрудничество человеческой семьи

53. Один из тягчайших видов бедности, какие человек может испытать, – это одиночество. А если присмотреться, станет ясно, что и другие виды бедности, в том числе материальные, возникают из разобщения, когда человека не любят или когда ему самому трудно полюбить.

К бедности зачастую приводит отказ от любви Божьей, изначальная трагическая замкнутость человека, который считает себя самодостаточным или думает, что он – всего лишь незначительный и преходящий элемент, «чужак» во вселенной, возникшей случайно. Человек отчуждён, когда он один или когда он отрывается от реальности, отказывается думать и верить в Основание[125]. Целое человечество отчуждено, если оно вверяет себя чисто человеческим замыслам, ложным идеологиям и утопиям[126]. Сегодня человечество гораздо более интерактивно, чем вчера, и эта большая близость должна перерасти в подлинное единство. *Развитие народов зависит прежде всего от осознания того, что мы – одна семья*, которая взаимодействует в подлинном единстве и состоит из людей, не просто живущих бок о бок[127].

Павел VI отметил: «Мир страдает, потому что мало думает»[128]. Это констатация факта, но также и призыв: нужен новый рывок мысли, чтобы лучше понять, что для нас значит быть одной семьёй. Взаимодействие между народами земли побуждает нас совершить этот рывок, чтобы объединение совершалось под знаком солидарности[129], а не маргинализации. Такой рывок мысли должен включать в себя *углублённую критическую оценку категории отношений*. С этой задачей не справятся в одиночку социальные науки: требуется вклад таких областей знания, как метафизика и богословие, чтобы мы ясно постигли трансцендентное достоинство человека.

Человек, сотворённый Богом, в силу своей духовной природы реализует себя в межличностных отношениях. Чем искреннее он в них участвует, тем большей личностной зрелости достигает. Человек раскрывает свой потенциал не в изоляции, а в общении с другими людьми и с Богом. Следовательно, такие отношения имеют основополагающее значение. Это верно и для народов. А значит, очень полезен для их развития метафизический взгляд на отношения между людьми. И здесь разум обретает вдохновение и ориентиры в христианском откровении, согласно которому сообщество людей не растворяет в себе личность, не лишает её автономии, как бывает в разного рода тоталитарных системах, но способствует её дальнейшему развитию, потому что отношения между личностью и сообществом – это отношения между одним целым и другим целым[130]. Как семейная община не упраздняет личности, её составляющие, как Церковь позволяет вполне раскрыться «новому творению» (Гал 6, 15; 2 Кор 5, 17), которое через крещение включается в её живое Тело, так и в единстве человеческой семьи не растворяются личности, народы и культуры, но станут более проницаемыми друг для друга, более едиными, при всех законных различиях.

54. Тема развития совпадает с темой включения всех людей и всех народов в отношения внутри единого сообщества – человеческой семьи, которая создается в солидарности, на основе фундаментальных ценностей справедливости и мира. На эту перспективу проливают решающий свет взаимоотношения между Ипостасями Троицы в единой Божественной Сущности. Троица есть абсолютное единство, поскольку три Божественные Ипостаси – это

отношения в чистом виде. Между Божественными Ипостасями – полная взаимная проницаемость, каждая Ипостась всецело связана с другой, потому что они составляют уникальное и абсолютное единство. Бог хочет ввести и нас в это общение: «... да будут едино, как Мы едино» (Ин 17, 22). Церковь – знак и инструмент этого единства[131]. Так и отношения между людьми в ходе истории могут только обогащаться при подражании этому Божественному Образцу. И в первую очередь, *благодаря откровению тайны о Троице*, мы постигаем, что подлинная открытость – это не центробежное рассеяние, а глубокое взаимопроникновение. О том же свидетельствуют проявления любви и истины, общие для человечества. Сакраментальная любовь между супругами духовно объединяет их в «одну плоть» (Быт 2, 24; Мф 19, 5; Еф 5, 31), двух отдельных людей сводит в единое и реальное пространство отношений; подобным же образом истина духовно объединяет людей и побуждает их думать в унисон, привлекая их и соединяя их в себе.

55. Христианское откровение о единстве человеческого рода предполагает *метафизическую интерпретацию «человеческого»*, в которой отношения представляют собой основной элемент. Другие культуры и религии тоже проповедуют братство и мир, а потому очень важны для целостного человеческого развития. Однако есть религиозные и культурные системы, не вполне приемлющие принцип любви и истины, поэтому в них подлинное человеческое развитие замедляется или даже прекращается. В сегодняшнем мире присутствуют культуры с религиозной подоплёкой, которые не зовут человека к общению, но обособляют, отправляют на поиски индивидуального благополучия, ограничиваясь удовлетворением его психологических запросов. Некоторая популярность религиозных «путей», избираемых маленькими группами или даже отдельными людьми, и религиозный синкретизм тоже могут быть факторами разобщения и уклонения от ответственности. Негативным следствием глобализации может оказаться тенденция к поощрению такого синкретизма[132], к поощрению «религиозных» форм, которые отчуждают людей друг от друга, вместо того чтобы стать местом встречи, и отдаляют от реальности. В то же время сохраняются порой культурные и религиозные предрассудки, обездвиживающие общество: статичные социальные касты, магические верования, попирающие достоинство личности, подчинение оккультным силам. В таких условиях любви и истине трудно прокладывать себе дорогу, что препятствует подлинному развитию.

Поэтому уточним: если, с одной стороны, для развития нужны религии и культуры разных народов, то с другой – необходимо умело их различать. Религиозная свобода не тождественна религиозному индифферентизму; из неё не следует, будто все религии равны[133]. Чтобы построить общество, ориентированное на общее благо, необходимо проводить различие между разными культурами и религиями, прежде всего это умение требуется тем, кто наделён политической властью. Различение должно опираться на критерий любви и истины. Поскольку на карту поставлено развитие людей и народов, проводящие различение должны учитывать возможность эмансипации и включения народов в подлинно всемирное человеческое сообщество. «Весь человек и все люди» – вот

критерий для оценки культур и религий. Христианство, религия «Бога с человеческим лицом»^[134], соответствует именно этому критерию.

56. Христианство и другие религии могут внести свой вклад в развитие, *только если в общественном пространстве найдётся место для Бога*: в культурной, социальной, экономической и особенно в политической сфере. Социальное учение Церкви было создано для того, чтобы потребовать этот «статус гражданства»^[135] для христианской религии. Отрицание права исповедовать публично собственную религию и стремиться к тому, чтобы истины веры формировали общественную жизнь, вредит подлинному развитию. Изгнание религии из общественной сферы – впрочем, как и религиозный фундаментализм – мешает людям встречаться и сотрудничать ради прогресса человечества. В общественной жизни оскудевает мотивация, а политика становится подавляющей и агрессивной. Есть опасность, что права человека не будут соблюдены – либо потому, что у них отнято трансцендентное основание, либо потому, что не признана личная свобода. Секуляризм и фундаментализм исключают возможность плодотворного диалога и успешного сотрудничества между разумом и религиозной верой. *Разум всегда нуждается в очищении верой*, в том числе и политический разум, который не должен считать себя всеильным. В свою очередь, *религия всегда нуждается в очищении разумом*, чтобы показать своё подлинное гуманистическое лицо. Разрыв этого диалога очень плохо сказывается на развитии человечества.

57. Плодотворный диалог между верой и разумом может только повысить эффективность дел милосердия в обществе и представляет собой самый подходящий контекст для содействия *братскому сотрудничеству между верующими и неверующими*, которые могут вместе созидать справедливость и мир для человечества. В пастырской конституции *Gaudium et spes* отцы собора утверждают: «По почти согласному мнению и верующих, и неверующих, всё, что есть на земле, предназначено для человека, представляющего собою средоточие и вершину всего»^[136]. Верующие полагают, что мир возник не случайно и не по необходимости, а по замыслу Божьему. Поэтому у верующих есть обязанность объединять свои усилия со всеми людьми доброй воли, представителями других религий или неверующими, чтобы наш мир действительно соответствовал Божьему замыслу: чтобы мы жили как одна семья под взглядом Творца. Особым проявлением любви и ведущим критерием для братского сотрудничества верующих и неверующих, несомненно, является *принцип subsidiarности*^[137], в котором нашла себе выражение неотчуждаемая человеческая свобода. Субсидиарность – это, прежде всего, помощь человеку через автономию промежуточных образований. Такую помощь предлагают, когда человек или социальные субъекты не справляются самостоятельно со своими задачами; она всегда нацелена на их эмансипацию, поскольку поощряет свободу и участие как взятие на себя ответственности. Субсидиарность сопряжена с уважением к достоинству личности, которая рассматривается как субъект, всегда способный дать что-то другим. Поскольку человек по своему внутреннему устройству предназначен именно для *взаимного* действия, субсидиарность служит самым верным средством против патерналистского навязывания

помощи в любых формах. Она учитывает как членение на многие уровни (а значит, множественность субъектов), так и их координацию. Следовательно, этот принцип великолепно подходит для того, чтобы руководить глобализацией и направлять её к подлинному человеческому развитию. Чтобы не установилась опасная всемирная тирания, *управление глобализацией должно быть субсидиарным*, разбитым на многие уровни и различные аспекты, друг с другом взаимодействующие. Конечно, при глобализации нужна власть, поскольку есть цель, к которой мы стремимся, – глобальное общее благо. Однако такая власть должна быть устроена субсидиарно и коллегиально [138], чтобы не повредить свободе и принести конкретные плоды.

58. *Принцип субсидиарности должен быть прочно увязан с принципом солидарности и наоборот.* Ведь если субсидиарность без солидарности вырождается в социальный партикуляризм, то солидарность без субсидиарности превращается в патерналистскую опеку, которая унижает нуждающегося. Этим правилом общего характера нужно руководствоваться и тогда, когда речь идёт о *международной помощи развитию*. Такая помощь, независимо от намерений дарителя, иногда удерживает народ в состоянии зависимости и даже поощряет угнетение на местном уровне и эксплуатацию внутри страны-благополучателя. Экономическая помощь, чтобы по праву носить это название, не должна преследовать посторонних целей. К её распределению нужно привлекать не только правительства заинтересованных стран, но и местных участников экономического процесса и субъектов гражданского общества, носителей культуры, включая местные Церкви. Программы помощи должны предусматривать всё более полную интеграцию, всё более активное участие низовых слоёв. Ведь главным ресурсом в странах, которым требуется помощь в развитии, остаётся человеческий ресурс: это подлинный капитал, и его нужно возвращать, чтобы обеспечить беднейшим странам по-настоящему автономное будущее. Следует помнить и о том, что основная экономическая помощь, в какой нуждаются развивающиеся страны, – это содействие постепенному внедрению их продукции на международные рынки, что позволит им принимать полноценное участие в международной экономической жизни. В прошлом слишком часто помощь приводила только к формированию маргинальных рынков для продукции этих стран. Причиной зачастую было отсутствие настоящего спроса на неё; поэтому необходимо помогать этим странам повышать качество продукции и её соответствие спросу. Кроме того, некоторые опасались конкуренции в связи с импортом продукции, как правило, сельскохозяйственной, из экономически бедных стран. Однако нужно помнить, что для этих стран возможность торговать своей продукцией очень часто становится гарантией выживания в ближайшей и долгосрочной перспективе. Справедливая и сбалансированная международная торговля сельскохозяйственными товарами может доставить пользу всем – как продавцам, так и покупателям. Поэтому необходимо не только коммерчески ориентировать эту продукцию, но и установить благоприятные для неё правила международной торговли, а также увеличить капиталовложения в развитие, чтобы повысить эффективность экономических систем в этих странах.

59. *Сотрудничество ради развития* должно охватывать не только экономическую сферу, но и стать превосходной *возможностью для встречи между культурами и людьми*. Если участники сотрудничества из экономически развитых стран не принимают во внимание (как порой случается) собственную и чужую культурную идентичность, составленную из человеческих ценностей, то не смогут вести глубокий диалог с гражданами бедных стран. Если последние, в свою очередь, откликаются без разбора и различения на любое предложение в сфере культуры, значит, они не в состоянии взять на себя ответственность за своё аутентичное развитие^[139]. Передовые в техническом отношении общества не должны отождествлять собственное техническое развитие с культурным превосходством; им надлежит заново открыть в самих себе те добродетели, порой забытые, которые привели их к процветанию в ходе истории. Растущие общества должны хранить верность тому подлинно человеческому, что есть в их традициях, не заменяя автоматически эти традиции механизмами глобализированной технологической цивилизации. Во всех культурах есть этические совпадения, единичные и множественные, – проявления одной и той же человеческой природы, задуманной Творцом; этическая мудрость человечества называет их естественным законом^[140]. Универсальный нравственный закон служит прочной основой для любого культурного, религиозного и политического диалога и позволяет многообразному плюрализму различных культур не отрываться от общих поисков истины, добра и Бога. Таким образом, соблюдение этого закона, вписанного в сердца, служит предпосылкой любого конструктивного социального сотрудничества. Во всех культурах есть балласт, от которого надо избавляться, теневая сторона, откуда надо выбираться. Христианская вера воплощается в культурах, но и выходит за их рамки, а потому может помочь им возрастая во всеобщем единстве и солидарности, что будет полезно развитию отдельных сообществ и всего мира.

60. Сейчас, когда мы ищем выходы из экономического кризиса, *нужно расценивать помощь развитию бедных стран как подлинный путь к созиданию благосостояния для всех*. Какой проект помощи может обещать столь значительный рост – в том числе и для мировой экономики, – если не программа поддержки народов, находящихся на ранней или не очень продвинутой стадии экономического развития? В этой перспективе самые экономически развитые страны должны сделать всё возможное, чтобы направить более весомую долю своего внутреннего валового продукта на помощь развитию, соблюдая обязательства, взятые на себя международным сообществом. Один из возможных путей – пересмотреть внутреннюю политику помощи и социальной солидарности, применяя к ней принцип субсидиарности и создавая системы социального обеспечения, более интегрированные, с активным участием частных субъектов и гражданского общества. Тем самым можно усовершенствовать социальные службы и службы помощи и одновременно сэкономить ресурсы – в частности, устранив напрасные траты и несправедливые выплаты; а сбережённые ресурсы послужат целям международной солидарности. Система социальной солидарности, включающая в себя больше участников, более цельная, менее бюрократичная, но не менее упорядоченная, позволит высвободить немало сил, сегодня

пока ещё дремлющих, что послужит укреплению солидарности между народами.

Одним из вариантов помощи развитию может стать успешное применение так называемой налоговой субсидиарности, которая позволит гражданам самим решать, куда пойдёт часть их налогов, выплаченных государству. Если избегать партикуляризма, это может стать стимулом для проявлений социальной солидарности снизу, с очевидной пользой также и в сфере солидарности ради развития.

61. Важное проявление большей солидарности на международном уровне – продолжать отстаивать, даже в условиях экономического кризиса, *более широкий доступ к образованию*, которое, с другой стороны, является существенным условием успешного международного сотрудничества. Под образованием следует понимать не только базовое и профессиональное обучение (хотя оба фактора важны для развития), а целостное воспитание личности. В связи с этим подчеркнём проблематичный аспект: чтобы воспитывать, нужно знать, что такое человеческая личность, постичь её природу. Упрочение релятивистского взгляда на природу человека порождает серьёзные проблемы в сфере воспитания, особенно нравственного воспитания, препятствуя выведению его на универсальный уровень. Уступка подобному релятивизму обедняет всех и снижает эффективность помощи самым обездоленным народам, которые нуждаются не только в экономических и технических средствах, но и в педагогических методах и средствах, помогающих людям полностью реализовать свой человеческий потенциал.

Чтобы оценить значимость этой проблемы, возьмём в качестве примера *международный туризм* [141]. Он может стать важным фактором экономического развития и культурного роста, а может содействовать эксплуатации и моральному разложению. Нынешняя ситуация предоставляет исключительные возможности для того, чтобы сочетать экономические аспекты развития (денежные потоки и значимое накопление предпринимательского опыта на местах) с культурными, прежде всего с образованием. Во многих случаях так и происходит, но в других международный туризм не становится источником образования ни для туриста, ни для местных жителей. Последние нередко сталкиваются с аморальным и даже извращённым поведением, например, в случае с так называемым секс-туризмом, жертвой которого становятся многие люди, причём даже в юном возрасте. Как ни прискорбно, зачастую это происходит под покровительством местных правительств, при молчаливом попустительстве руководства тех стран, откуда прибывают туристы, и при пособничестве многочисленных работников этого сектора. Но даже если так далеко дело не заходит, международный туризм нередко развивается в потребительском и гедонистическом ключе, как бегство от реальности, причём способы организации типичны для стран, из которых происходят туристы, что не способствует подлинному общению между людьми и культурами. Поэтому следует подумать о другом туризме: пусть он способствует настоящему взаимному узнаванию, но не в ущерб отдыху и здоровым развлечениям. Именно такой туризм нужно расширять, в том числе используя опыт

международного сотрудничества и предпринимательства ради развития.

62. Ещё один аспект заслуживает внимания, когда мы ведём речь о целостном человеческом развитии, – это феномен *миграции*. Впечатляют его масштабы: число людей, в него вовлечённых; социальная, экономическая, политическая, культурная и религиозная проблематика, с ним связанная; драматичные вызовы, которые он бросает народам и международному сообществу. Можно сказать, что перед нами социальное явление эпохальной природы; чтобы правильно на него реагировать, нужно проводить сильную и дальновидную политику международного сотрудничества. Основанием для неё должно стать тесное взаимодействие между странами, откуда мигранты исходят, и принимающими странами. Нужны адекватные международные нормативы, способные привести к согласованию различные законодательные системы, чтобы были учтены запросы и права мигрирующих лиц и семей, равно как и того общества, где обосновываются мигранты. В наше время никакая страна не может в одиночку справиться с миграционными проблемами. Все мы видим, сколько страданий, лишений и ожиданий сопряжено с миграцией. Как известно, этим феноменом непросто управлять; однако не приходится сомневаться в том, что иностранные работники, несмотря на трудности, связанные с их интеграцией, вносят своим трудом значительный вклад в экономическое развитие принимающей страны, а также своей родной страны – через денежные переводы. Очевидно, что этих работников нельзя считать товаром или просто рабочей силой. А значит, недопустимо ставить их в один ряд с прочими факторами производства. Каждый мигрант – человеческая личность, и как таковой он обладает неотчуждаемыми основными правами, которые должны быть соблюдаемы всеми и в любой ситуации^[142].

63. Рассматривая проблемы, сопряжённые с развитием, нельзя не указать на прямую связь между *бедностью и безработицей*. Во многих случаях бедность вызвана тем, что *попрано достоинство человеческого труда*: либо ограничена возможность в нём участвовать (безработица, неполная занятость), либо обесценены «права, из него проистекающие, в особенности право на справедливое вознаграждение и на личную безопасность работника и его семьи»^[143]. Поэтому ещё 1 мая 2000 г., в связи с юбилеем трудящихся, мой почитаемый предшественник Иоанн Павел II, поддерживая стратегию Международной организации труда, выступил с призывом создать «всемирную коалицию в поддержку достойного труда»^[144]. Тем самым он придал мощный моральный импульс движению к этой цели, желанной для семей во всех странах мира. Что значит слово «достойный» применительно к труду? Это труд, который в любом обществе служит выражением сущностного достоинства каждого мужчины и каждой женщины; избранный свободно, он эффективно приобщает трудящихся, мужчин и женщин, к развитию их сообщества; позволяет трудящимся пользоваться уважением без всякой дискриминации; предоставляет возможность удовлетворять потребности семьи и давать образование детям, без того чтобы им самим пришлось работать; позволяет трудящимся свободно создавать ассоциации и быть услышанными; оставляет достаточно пространства для возвращения к

собственным корням на личном, семейном и духовном уровне; обеспечивает достойное положение работникам, вышедшим на пенсию.

64. Поскольку мы размышляем над темой труда, уместно напомнить, насколько важно, чтобы *профессиональные союзы трудящихся*, всегда получавшие от Церкви поощрение и поддержку, открылись навстречу новым перспективам, возникающим в сфере труда. Эти организации призваны выйти за границы, очерченные для отраслевых профсоюзов, и взяться за решение новых проблем нашего общества: я имею в виду, например, ту совокупность вопросов, которую деятели социальных наук отождествляют с конфликтом между личностью трудящейся и личностью потребляющей. Необязательно соглашаться с тезисом о том, что центр внимания сместился с работника на потребителя; тем не менее представляется, что и здесь найдётся место для инновационных профсоюзных начинаний. Глобальный контекст, в котором разворачивается труд, требует, чтобы национальные профсоюзы, занятые преимущественно интересами своих членов, обратили взгляд и за свои пределы, в особенности на трудящихся в развивающихся странах, где социальные права часто подвергаются попранию. Защищая этих людей, в том числе с помощью уместных инициатив, направленных на их страны, профсоюзы прольют свет на подлинные этические и культурные основания, позволившие им быть решающим фактором развития в разных социальных и трудовых контекстах. По-прежнему остаётся в силе традиционное учение Церкви, предлагающее разграничить роли и функции профсоюзного движения и политики. Это разграничение позволит профсоюзам увидеть, что гражданское общество представляет собой самое благоприятное поле для их необходимой деятельности: ведь они защищают и поддерживают трудящихся, прежде всего – эксплуатируемых и лишённых представительства, тех, чьё горькое положение зачастую ускользает от рассеянного взгляда общества.

65. *Финансовая система* как таковая (когда будут обновлены её структуры и способы функционирования, что необходимо после злоупотреблений, нанесших ущерб реальной экономике) должна снова стать *инструментом, нацеленным на достижение большего благосостояния и на развитие*. Вся экономика и вся финансовая система, а не только отдельные их элементы – это орудия, которыми надо пользоваться этично, чтобы создать благоприятные условия для развития человека и народов. Разумеется, полезно, а в некоторых обстоятельствах необходимо, давать дорогу финансовым инициативам, в которых преобладает гуманитарная составляющая. Однако нельзя забывать, что вообще вся финансовая система должна быть ориентирована на оказание поддержки подлинному развитию. Прежде всего, нельзя противопоставлять намерение делать добро действительному умению производить блага. Финансисты должны заново открыть для себя собственно этическую основу своей деятельности, чтобы не злоупотреблять теми изощрёнными инструментами, которые могут быть использованы для обмана вкладчиков. Честное намерение, прозрачность и стремление к высоким результатам совместимы друг с другом, их никогда нельзя разъединять. Если любовь умна, она находит способы

действовать предусмотрительно и добиваться законной выгоды, о чём весьма наглядно свидетельствует обширный опыт в сфере кредитной кооперации.

Регулирование финансового сектора, позволяющее защитить слабейших и не допустить скандальных спекуляций, и эксперименты с новыми финансовыми формами, призванными благоприятствовать проектам развития, представляют собой положительный опыт, который нужно изучать и поощрять, подчёркивая *ответственность вкладчика*. *Опыт в сфере микро-финансов*, восходящий к мысли и трудам гражданских гуманистов (прежде всего, я имею в виду возникновение ломбарда), тоже нуждается в укреплении и регулировании, особенно сегодня, когда финансовые проблемы могут стать драматичными для многих самых уязвимых сегментов населения; этих людей необходимо оберегать от опасностей, связанных с ростовщичеством, и от отчаяния. Слабейших надо учить тому, как защищаться от ростовщичества, а бедным народам надо разъяснять, как извлекать реальную выгоду из микро-кредитования; это воспрепятствует эксплуатации в обеих областях. Поскольку и в богатых странах существуют новые формы бедности, микро-финансирование может оказать конкретную помощь новым инициативам и секторам, ориентированным на защиту слабых слоёв общества, даже если само общество обеднеет.

66. Всемирная взаимосвязанность привела к возникновению новой политической власти – власти *потребителей и их ассоциаций*. Этот феномен, подлежащий изучению, содержит в себе положительные элементы, которые нужно поощрять, и злоупотребления, которых нужно избегать. Хорошо, что люди отдают себе отчёт в том, что приобретение – это всегда не только экономическое, но и нравственное действие. Следовательно, на *потребителе* лежит определённая *социальная ответственность*, сопровождаемая социальной ответственностью предприятия. Потребителей нужно постоянно обучать^[145], чтобы они исполняли свою повседневную роль, соблюдая моральные принципы и вместе с тем не жертвуя экономической рациональностью, присущей акту приобретения. Именно сейчас, когда покупательная способность может сократиться и когда потреблять придётся более умеренно, необходимо и в этой области избирать другие пути – например, формы кооперированного приобретения, такие как потребительские кооперативы, действующие с XIX века, в том числе и благодаря инициативе католиков. Кроме того, следует поощрять новые формы коммерциализации товаров, происходящих из экономически отсталых регионов, чтобы гарантировать достойное вознаграждение производителям – при условии, что рынок действительно прозрачен, что производители получают не только больше прибыли, но и обучение, профессиональное и техническое, и наконец, что к этим экономическим начинаниям, направленным на развитие, не будут примешиваться частные идеологические интересы. Усиление роли потребителей (если только ими не манипулирует ассоциация, не вполне представительная) желательно, поскольку оно делает экономику более демократичной.

67. В условиях неудержимо возрастающей всемирной взаимозависимости и столь же

глобального кризиса внятно заявляет о себе неотложная необходимость реформировать как *Организацию Объединённых Наций*, так и *международную экономическую и финансовую систему*, чтобы понятие семьи наций стало конкретной реальностью. А также есть потребность в инновационных формах, которые позволят реализовать принцип «*обязанности защищать*»^[146] и обеспечат беднейшим нациям эффективное участие в принятии общих решений. Это необходимо, если мы хотим выстроить политический, правовой и экономический порядок, который укрепит международное сотрудничество и направит его на солидарное развитие всех народов. Для того, чтобы управлять мировой экономикой, оздоровить экономические системы, поражённые кризисом, а также воспрепятствовать его усугублению и дальнейшему нарушению равновесия, достичь своевременного и целостного разоружения, продовольственной безопасности и мира, обеспечить охрану природной среды и упорядочить миграционные потоки, нужна настоящая *всемирная политическая власть*, о которой говорил уже мой предшественник блаженный Иоанн XXIII. Эта власть должна руководствоваться правом, последовательно придерживаться принципов субсидиарности и солидарности, стремиться к общему благу^[147] и *способствовать подлинному и целостному человеческому развитию, вдохновляемому ценностями любви в истине*. Эта власть должна получить всеобщее признание и пользоваться реальными полномочиями, чтобы гарантировать каждому безопасность, справедливость, соблюдение прав^[148]. Разумеется, у этой власти должны быть возможности обеспечивать выполнение всеми сторонами её решений, равно как и скоординированных мер, одобренных различными международными форумами. Пока эти замыслы не реализованы, есть опасность, что международное право, несмотря на немалые успехи, достигнутые в различных областях, будет зависеть от баланса власти, установившегося между сильнейшими странами. Ради целостного развития народов и ради международного сотрудничества нужно учредить более высокую ступень международной власти субсидиарного типа для управления глобализацией^[149], установить наконец общественный строй, сообразный моральному порядку и тому единству между моральной и социальной сферами, между политикой и экономической и гражданской жизнью, которое уже предусмотрено в Уставе ООН.

Глава шестая

Развитие народов и техника

68. Развитие народов тесно связано с развитием каждого отдельного человека. Человеческая личность по своей природе ориентирована на движение и развитие. Речь не идёт о развитии, обеспеченном биологическими механизмами, поскольку каждый из нас знает, что может выбирать, свободно и ответственно. Но не идёт речь и о развитии по нашему собственному капризу: ведь всем нам известно, что мы – дар, что мы не сами себя

породили. В нас свобода изначально обусловлена нашим бытием и его границами. Никто не формирует собственную совесть произвольно, но все выстраивают своё «я» на основе «самости», которая нам дана. Не только другими людьми мы не можем распоряжаться, как вздумается, но и собой. *Личность перестанет развиваться, если вообразит, что она сама себя сотворила.* Подобный же ущерб будет нанесён развитию народов, если человечество сочтёт, что может заново создать себя посредством технологических «чудес». Так и экономическое развитие обернётся пагубным обманом, если мы, доверившись финансовым «чудесам», станем поддерживать неестественный рост и чрезмерное потребление. Сталкиваясь с этой прометеевской претензией, мы должны укреплять любовь к свободе, которая не равна произволу, но становится подлинно человеческой благодаря осознанию того, что ей предшествует благо. Ради этой цели человек должен заглянуть в себя и обнаружить фундаментальные нормы естественного нравственного закона, вписанного Богом в наши сердца.

69. Сегодня проблема развития имеет непосредственное отношение к *техническому прогрессу* с его изумительными достижениями в биологической сфере. Важно подчеркнуть, что техника – это подлинно человеческая реальность, связанная с автономией и свободой человека. В технике проявляется и подтверждается господство духа над материей. Дух, «таким образом “став свободнее от порабощения тварному, может легче подняться до почитания и созерцания Творца”»^[150]. Техника позволяет властвовать над материей, уменьшать опасности, сберегать усилия, улучшать жизненные условия. Она соответствует призванию человеческого труда: человек узнаёт в технике, созданной его гением, самого себя и реализует свою человеческую природу. Техника представляет собой объективный аспект человеческой деятельности^[151], но происходит из субъективного элемента и в нём обретает свой смысл; этот элемент – человек действующий. Поэтому техника никогда не бывает просто техникой. В ней отражён человек с его стремлением к развитию, в ней выражено желание человеческого духа преодолеть шаг за шагом материальные ограничения. *Итак, техника вписывается в поручение «хранить и возделывать землю»* (ср. Быт 2, 15), доверенное Богом человеку; её надлежит направить на укрепление того завета между человеком и природной средой, который должен служить зеркалом творческой любви Божьей.

70. Техническое развитие может навести на мысль о самодостаточности техники, если, задаваясь только вопросом «как», человек не задумается о многих «почему», побуждающих его к действию. Именно поэтому техника становится неоднозначной. Она рождена человеческим творческим гением и должна служить человеку как орудие его свободы. Но в ней могут увидеть элемент абсолютной свободы – той, что не желает знать ограничений, содержащихся в самих вещах. В ходе глобализации техника может занять место идеологий^[152] и тоже превратиться в идеологическую силу, грозящую запереть нас внутри некоего «априори», откуда нельзя пробиться к бытию и истине. В этом случае всем нам пришлось бы распознавать и оценивать жизненные ситуации и принимать решения в

рамках технократической культуры; к ней мы принадлежали бы структурно и не могли бы найти смысл, не нами самими придуманный. «Техническое» мировоззрение, исходящее из этой точки зрения, сегодня набирает такую силу, что истинное приравнивают к возможному. Но когда единственным критерием истины становится эффективность и польза, развитие автоматически упраздняется. Ведь в подлинном развитии делание не бывает главным. Ключ к развитию – это ум, способный придумать технику и постичь подлинно человеческий смысл человеческого делания, в контексте смысла личности, рассматриваемой во всей целостности её бытия. Даже когда мы работаем удалённо, посредством космического спутника или электронного импульса, наши действия всегда остаются человеческими и служат выражением ответственной свободы. Техника очень привлекательна для человека, потому что она освобождает его от физических ограничений и расширяет его горизонты. *Но человеческая свобода остаётся действительно свободой, только когда реагирует на привлекательность техники решениями, вытекающими из нравственной ответственности.* Поэтому необходимо приучать людей пользоваться техникой в духе этической ответственности. Взяв за отправную точку привлекательность техники, нужно восстановить истинный смысл свободы: быть свободным – значит не опьяняться тотальной автономией, а отвечать на призыв бытия, начиная с того бытия, какое представляем собой мы сами.

71. Примером того, что техническая ментальность может отклониться от своего изначального гуманистического русла, сегодня служит низведение таких реалий, как развитие и мир, на сугубо технический уровень. Говоря о развитии народов, часто полагают, что всё дело в финансовой инженерии, в открытости рынков, в отмене пошлин, в инвестировании в производство, в институциональных реформах – словом, что это проблема чисто техническая. Все перечисленные аспекты очень важны, но зададимся вопросом: почему до сих пор технические решения приносили лишь относительную пользу? Причину нужно искать глубже. Развитие никогда не будет полностью обеспечено силами, в какой-то мере автоматическими и безличными – принадлежат ли они к сфере рынка или к сфере международной политики. *Развитие невозможно без порядочных людей, без экономических и политических деятелей, которые по совести служат общему благу.* Необходимы как профессиональная подготовка, так и нравственная стойкость. Когда технику абсолютизируют, возникает путаница между целями и средствами; тогда в качестве единственного критерия предприниматель рассматривает максимальную выгоду от производства, политик – укрепление власти, учёный – результат своих открытий. Часто под сетью экономических, финансовых или политических отношений остаются непонимание, неловкость, несправедливость; ускоряются «потоки» технических знаний, но выгодно это только тем людям, кто владеет знаниями, тогда как фактическое положение народов, живущих под этими потоками, почти всегда в неведении, остаётся неизменным, и нет реальных возможностей для освобождения.

72. Иногда и на мир смотрят как на технический продукт, просто как на результат соглашений между правительствами или инициатив, направленных на обеспечение

эффективной экономической помощи. Верно, что *построение мира* требует постоянных усилий: дипломатических контактов, экономического и технического взаимодействия, культурных встреч, соглашений по общим проектам, совместных обязательств по сдерживанию военных угроз и по решительному пресечению террористических покушений, то и дело возобновляемых. Но чтобы эти усилия увенчались успехом в долгосрочной перспективе, они должны опираться на ценности, укоренённые в истине жизни. Это значит, что нужно слышать голос заинтересованных народов и присматриваться к их положению, чтобы правильно истолковать их ожидания. Мы должны, так сказать, соблюдать преемственность с анонимными усилиями многих людей – тех, кто преданно содействует общению между народами и развитию, беря за основу любовь и взаимопонимание. Среди этих людей есть и верные христиане, вовлечённые в решение великой задачи – придать развитию и миру подлинно человеческий смысл.

73. С техническим развитием связана растущая вездесущность *средств массовой коммуникации*. Сейчас почти невозможно представить себе жизнь человеческой семьи без них. Они настолько прочно вошли в жизнь мира, в радости и горе, что представляется вполне абсурдной позиция тех, кто считает их нейтральными, а значит, независимыми от морали, которая касается людей. Зачастую такие мнения, подчёркивающие узко техническую природу средств массовой коммуникации, на деле подчиняют их экономическому расчёту, стремлению господствовать на рынках и, не в последнюю очередь, желанию навязывать культурные модели, подчинённые идеологическим и политическим планам. Поскольку от средств массовой коммуникации в немалой степени зависит то, как меняется наше восприятие и постижение реальности и человеческой личности, необходимо серьёзное размышление над их влиянием, особенно на этико-культурное измерение глобализации и солидарного развития народов. В согласии с тем, чего требует надлежащее управление глобализацией и развитием, *смысл и цели средств массовой коммуникации нужно искать в антропологическом фундаменте*. Это значит, что они способны оказывать гуманизирующее воздействие – не только когда, благодаря техническому развитию, они предоставляют больше возможностей для общения и передачи информации, но, в первую очередь, когда они транслируют такой образ личности и общего блага, в котором отражены универсальные ценности. Средства массовой коммуникации не могут благоприятствовать свободе и выводить на глобальный уровень развитие и демократию для всех одним только тем, что преумножают взаимосвязи и ускоряют циркуляцию идей. Для достижения этих целей средства массовой коммуникации должны сосредоточиться на укреплении достоинства людей и народов, открыто черпать вдохновение в любви и служить истине, благу и братству, естественному и сверхъестественному – ведь человеческая свобода внутренне связана с этими высшими ценностями. Средства массовой коммуникации могут оказать весомую помощь возрастанию единства человеческой семьи и *этого* обществ, когда содействуют всеобщему участию в поисках того, что справедливо.

74. Ключевое сражение в культурной борьбе между абсолютизацией техники и моральной ответственностью человека разворачивается сегодня в области *биоэтики*, где радикально поставлена под угрозу сама возможность целостного человеческого развития. В этой важной сфере, требующей самого деликатного обращения, с исключительной остротой встаёт перед нами фундаментальный вопрос: сам ли человек себя сотворил или он зависит от Бога? Научные открытия в этой области и возможности технического вмешательства продвинулись, по-видимому, так далеко, что необходимо сделать выбор между двумя типами рациональности: между разумом, открытым трансцендентному, и разумом, замкнутым в границах имманентного. Это решающий выбор. Однако техническая деятельность, сосредоточенная на себе, демонстрирует свою иррациональность, поскольку приводит к уверенному отказу от смысла и ценностей. Неслучайно отмежевание от трансцендентного ставит человека перед затруднением: как понять, что из ничего возникло бытие, а из случайности – ум?^[153] Перед лицом этих драматичных проблем разум и вера помогают друг другу. Только вместе они спасут человека. *Привлечённый чисто техническим деланием, разум без веры затеряется в иллюзиях относительно собственного всемогущества. А вера без разума подвержена опасности оторваться от практической жизни людей*^[154].

75. Уже Павел VI указал на мировые масштабы социального вопроса^[155]. Следуя по этому пути, сегодня нужно отметить, что *социальный вопрос обрёл радикально антропологическое звучание*: это вопрос о том, как воспринимать жизнь и как с ней обращаться – теперь, когда благодаря биотехнологиям она всё в большей мере оказывается в человеческих руках. Оплодотворение «в пробирке», опыты над эмбрионами, возможность клонирования и гибридизации человека – все эти реалии возникают и обретают поддержку в нынешней культуре, тотально приземлённой, которая полагает, что разоблачила все тайны, поскольку добралась до основания жизни. Здесь абсолютизация техники доходит до предела. В такой культуре у совести нет других задач, кроме вынесения суждений о чисто технической исполнимости действия. Однако нельзя недооценивать тревожные прогнозы о будущем человека и новые мощные инструменты, какими располагает «культура смерти». К распространённому сегодня тяжкому бедствию – абортам – в будущем может прибавиться (а в зачатке и в скрытом виде уже присутствует) систематическое евгеническое планирование рождаемости. С другой стороны, прокладывает себе дорогу менталитет, ориентированный на эвтаназию. Это ещё одно, не менее злостное проявление господства над жизнью: считается, что при определённых условиях она не стоит того, чтобы её поддерживать. За такими представлениями стоят культурные установки, отрицающие человеческое достоинство. Сами же эти практики, в свою очередь, укрепляют материалистическую и механистическую концепцию человеческой жизни. Кто измерит ущерб, наносимый развитию подобным образом мыслей? Как можно удивляться равнодушию к людям, находящимся в бедственном положении, если нам вообще всё равно, что человечно, а что нет? Изумляет произвольная избирательность в том, что считается сегодня достойным уважения. Похоже, что многие, приходя в негодование из-за мелочей,

при этом готовы мириться с неслыханной несправедливостью. В то время как бедные всё ещё стучатся в двери изобилия, богатый мир может и не услышать этих ударов, потому что его совесть уже неспособна распознать, что человечно. Бог открывает человека самому человеку, разум и вера вместе показывают ему благо, лишь бы он пожелал увидеть; естественный закон, в котором отражён свет творящего Разума, указывает, что человек велик – но становится жалким, когда не отвечает на зов нравственной истины.

76. Один из аспектов современного технологического образа мыслей – склонность рассматривать проблемы и понятия, связанные с внутренней жизнью, только с психологической точки зрения – вплоть до неврологического редукционизма. В результате внутренний мир опустошается, и человек перестаёт воспринимать онтологическую значимость своей души с её глубинами, которые святым удалось исследовать. *Проблема развития тесно связана и с нашим представлением о душе человека*; ведь наше «я» часто сводят к психике, а душевное здоровье путают с эмоциональным благополучием. В основании этих упрощений лежит радикальное непонимание духовной жизни, и приводят они к отрицанию того, что развитие человека и народов зависит и от решения духовных проблем. *Развитие должно включать в себя духовный рост, а не только материальный*, потому что человеческая личность представляет собой «единство души и тела»^[156], порождённое творческой любовью Бога и предназначенное для вечной жизни.

Человеческое существо развивается, когда растёт в духе, когда его душа познаёт саму себя и истины, посеянные в ней Богом, когда беседует с собой и со своим Творцом. Вдали от Бога человек беспокоен и болен. Социальное и психологическое отчуждение и многочисленные неврозы, характерные для обществ изобилия, восходят, в частности, к причинам духовного порядка. Благоденствующее общество, материально развитое, но подавляющее душу, само по себе не направлено на подлинное развитие. Новые формы рабства – наркомания и отчаяние, которым подвержены многие люди, – зависят не только от социологических и психологических, но и, главным образом, от духовных факторов. Пустота, в которой душа чувствует себя покинутой, при всём многообразии терапевтических методов для тела и для психики, причиняет страдание. *Нет целостного развития и универсального общего блага без заботы о духовном и нравственном благе людей*, воспринимаемых как единство души и тела.

77. Абсолютизация техники подрывает нашу способность воспринимать то, что не объясняется простыми материальными причинами. Между тем все люди обнаруживают в своей жизни множество нематериальных, духовных аспектов. Познание – не только материальный акт, поскольку в его предмете непременно сокрыто нечто, выходящее за рамки эмпирических данных. Всякое наше познание, даже самое простое, – это всегда маленькое чудо: ведь никогда нельзя полностью объяснить его с помощью материальных инструментов, которыми мы пользуемся. В каждой истине содержится больше того, чего мы ожидали; в любви, которую мы получаем, всегда есть что-то, что нас удивляет. Невозможно перестать изумляться, взирая на эти чудеса. В любом познании и в любом проявлении

любви душа человека переживает нечто «большее», как будто мы получили дар, как будто мы вознесены на высоту. Развитие человека и народов принадлежит той же высоте – если мы посмотрим на *духовное измерение*, без которого подлинному развитию не обойтись. Нам нужны новые глаза и новое сердце, чтобы *подняться над материалистическим видением человеческих событий* и разглядеть в развитии то, чего техника не может дать – устремлённость вверх. На этом пути можно будет выстраивать целостное человеческое развитие, для которого критерием и ориентиром служит движущая сила любви в истине.

Заключение

78. Без Бога человек не знает, куда идти, и даже не может понять, кто он такой. Когда непомерные проблемы, препятствующие развитию народов, подталкивают нас к унынию и чуть ли не принуждают сдаться, нам на помощь приходит слово Господа Иисуса Христа, Который разъясняет: «... без Меня не можете делать ничего» (Ин 15, 5), – и ободряет нас: «Я с вами во все дни до скончания века» (Мф 28, 20). Предстоит проделать огромную работу, и нас поддерживает вера в присутствие Божие рядом с теми, кто объединяется во имя Его и трудится ради справедливости. Павел VI напомнил нам в *Populorum progressio*, что человек не способен самостоятельно управлять собственным прогрессом, поскольку не может сам заложить основы подлинного гуманизма. Только осознавая, что мы – как индивиды и как сообщество – призваны войти в семью Божию в качестве Его детей, мы окажемся способными породить новую мысль и с новыми силами служить подлинному целостному гуманизму. Итак, главный фактор, способствующий развитию, – это христианский гуманизм^[157], который одухотворяет любовь и руководствуется истиной, принимая то и другое как постоянный дар Божий. Готовность внимать Богу делает нас чуткими по отношению к братьям и к жизни, понимаемой как задание, солидарное и радостное дело. И напротив, идеологическая закрытость по отношению к Богу и атеизм равнодушия, из-за которых человек забывает Бога и способен забыть человеческие ценности, сегодня стоят в ряду главнейших препятствий на пути развития. *Гуманизм, исключаящий Бога, – это бесчеловечный гуманизм*. Только гуманизм, открытый навстречу Абсолюту, может руководить нами при устройении форм социальной и гражданской жизни – в сфере структур, учреждений, культуры, этоса, – оберегая нас от опасности попасть в плен к сиюминутной моде. Именно память о нерушимой любви Божией поддерживает нас в тяжёлом, но воодушевляющем труде ради справедливости и развития народов, среди успехов и неудач, в наших непрестанных стараниях установить здравый порядок в земных делах. *Любовь Божия зовёт нас выйти из ограниченного и неопределённого, даёт нам мужество действовать и двигаться вперёд ко благу всех людей*, хотя его и нельзя достичь сразу и хотя то, что нам – и политическим властям, и субъектам экономики – удаётся осуществить, всегда меньше того, чего мы желаем^[158]. Бог даёт нам силу бороться и страдать ради общего блага, потому что Он есть наше Всё, наша величайшая надежда.

79. Развитию нужны христиане, чьи руки воздеты к Богу в молитве; христиане, движимые сознанием того, что любовь, исполненная истины, *caritas in veritate*, источник подлинного развития, не нами порождена, а нам дарована. Поэтому даже в самые трудные и сложные моменты мы должны не только действовать осознанно, но прежде всего обращаться к любви Божьей. Развитие сопряжено с вниманием к духовной жизни, с серьёзным изучением такого опыта, как доверие Богу, духовное братство во Христе, предание себя Божественному Провидению и Милосердию, любовь и прощение, самоотречение, принятие ближнего, справедливость и мир. Всё это необходимо для того, чтобы преобразить «каменные сердца» в «плотяные» (Иез 36, 26) и тем самым сделать «Божественной» – а потому более достойной человека – жизнь на земле. Всё это – *человеческое* дело, поскольку человек есть субъект собственного существования. И вместе с тем это дело *Божие*, потому что Бог есть начало и цель всего благого и искупительного: «... мир, или жизнь, или смерть, или настоящее, или будущее, – всё ваше; вы же – Христовы, а Христос – Божий» (1 Кор 3, 22-23). Горячее желание христианина состоит в том, чтобы вся человеческая семья призывала Бога: «Отче наш!». Да научатся все люди вместе с единокровным Сыном молиться Отцу и просить – словами, которые преподал нам сам Иисус, – чтобы Он даровал нам святить Его, живя по Его воле; да научатся просить о насущном хлебе, о понимании и щедрости к должникам, об избавлении от чрезмерных искушений и от зла (ср. Мф 6, 9-13).

Сейчас, когда завершается Юбилейный год св. Павла, я хотел бы выразить это пожелание словами самого апостола из Послания к римлянам: «Любовь да будет непритворна; отвращайтесь зла, прилепляйтесь к добру; будьте братолюбивы друг к другу с нежностью; в почтительности друг друга предупреждайте» (Рим 12, 9-10). Дева Мария, которую Павел VI провозгласил Матерью Церкви, а христианский народ почитает как Зерцало справедливости [*Speculum iustitiae*] и Царицу мира [*Regina pacis*], да защитит нас и да вымолит для нас Своим небесным ходатайством силу, надежду и радость, необходимые для того, чтобы продолжать с великодушием служить «развитию всего человека и всех людей»^[159].

Дано в Риме, у Святого Петра, 29 июня 2009 г., в торжество Святых Апостолов Петра и Павла, в пятый год моего Понтификата

BENEDICTUS PP. XVI

[1] Павел VI, Энциклика *Populorum progressio* (26 марта 1967 г.), 22: AAS 59 (1967), 268; ср. Документы II Ватиканского Собора, Пастырская конституция о Церкви в современном мире

Gaudium et spes, 69: М., Паолине, 2004.

[2] *Речь в День развития* (23 августа 1968 г.): AAS 60 (1968), 626-627.

[3] Ср. Иоанн Павел II, *Послание ко Всемирному дню мира 2002*: AAS 94 (2002), 132-140.

[4] Ср. *Gaudium et spes*, 26.

[5] Ср. Иоанн XXIII, Энциклика *Pasem in terris* (11 апреля 1963 г.): AAS 55 (1963), 268-270.

[6] Ср. н. 16: *I.c.*, 265.

[7] Ср. *ibid.*, 82: *I.c.*, 297.

[8] *Ibid.*, 42: *I.c.*, 278.

[9] *Ibid.*, 20: *I.c.*, 267.

[10] Ср. *Gaudium et spes*, 36; Павел VI, Апостольское послание *Octogesima adveniens* (14 мая 1971 г.), 4: AAS 63 (1971), 403-404; Иоанн Павел II, Энциклика *Centesimus annus* (1 мая 1991 г.), 43: AAS 83 (1991), 847.

[11] Павел VI, Энциклика *Populorum progressio*, 13: *I.c.*, 263-264.

[12] Ср. Папский Совет «Справедливость и мир», *Компендиум социального учения Церкви*, н. 76: М., Паолине, 2006.

[13] Ср. Бенедикт XVI, *Речь на вступительной сессии V Генеральной конференции епископата Латинской Америки и Карибских стран* (13 мая 2007 г.): *Insegnamenti* III, 1 (2007), 854-870.

[14] Ср. нн. 3-5: *I.c.*, 258-260.

[15] Ср. Иоанн Павел II, Энциклика *Sollicitudo rei socialis* (30 декабря 1987 г.), 6-7: AAS 80 (1988), 517-519.

[16] Ср. Павел VI, Энциклика *Populorum progressio*, 14: *I.c.*, 264.

[17] Бенедикт XVI, Энциклика *Deus caritas est* (25 декабря 2005 г.), 18: AAS 98 (2006), 232.

[18] *Ibid.*, 6: *I.c.*, 222.

- [19] Ср. Бенедикт XVI, *Рождественское обращение к Римской Курии* (22 декабря 2005 г.): *Insegnamenti I* (2005), 1023-1032.
- [20] Ср. Иоанн Павел II, Энциклика *Sollicitudo rei socialis*, 3: *I.c.*, 515.
- [21] Ср. *ibid.*, 1: *I.c.*, 513-514.
- [22] Ср. *ibid.*, 3: *I.c.*, 515.
- [23] Ср. Иоанн Павел II, Энциклика *Laborem exercens* (14 сентября 1981 г.), 3: AAS 73 (1981), 583-584.
- [24] Ср. *Id.*, Энциклика *Centesimus annus*, 3: *I.c.*, 794-796.
- [25] Ср. *Id.*, Энциклика *Centesimus annus*, 3: *I.c.*, 794-796.
- [26] Ср. *ibid.*, 34: *I.c.*, 274.
- [27] Ср. nn. 8-9: AAS 60 (1968), 485-487; Бенедикт XVI, *Речь к участникам Международного съезда, организованного в 40-ю годовщину энциклики «Humanae vitae»* (10 мая 2008 г.): *Insegnamenti IV*, 1 (2008), 753-756.
- [28] Ср. Энциклика *Evangelium vitae* (25 марта 1995 г.), 93: AAS 87 (1995), 507-508.
- [29] *Ibid.*, 101: *I.c.*, 516-518.
- [30] N. 29: AAS 68 (1976), 25.
- [31] *Ibid.*, 31: *I.c.*, 26.
- [32] Ср. Иоанн Павел II, Энциклика *Sollicitudo rei socialis*, 41: *I.c.*, 570-572.
- [33] Ср. *ibid.*; *Id.* Энциклика *Centesimus annus*, 5.54: *I.c.* 799. 859-860.
- [34] N. 15: *I.c.*, 265.
- [35] Ср. *ibid.*, 2: *I.c.*, 258; Лев XIII, Энциклика *Rerum novarum* (15 мая 1891 г.): *Leonis XIII P.M. Acta*, XI, Romae 1892, 97-144; Иоанн Павел II, Энциклика *Sollicitudo rei socialis*, 8: *I.c.*, 519-520 ; *Id.*, Энциклика *Centesimus annus*, 5: *I.c.*, 799.
- [36] Ср. Энциклика *Populorum progressio*, 2.13: *I.c.*, 258. 263-264.

[37] *Ibid.*, 42: *I.c.*, 278.

[38] *Ibid.*, 11: *I.c.*, 262; ср. Иоанн Павел II, Энциклика *Centesimus annus*, 25: *I.c.*, 822-824.

[39] Энциклика *Populorum progressio*, 15: *I.c.*, 265.

[40] *Ibid.*, 3: *I.c.*, 258.

[41] *Ibid.*, 6: *I.c.*, 260.

[42] *Ibid.*, 14: *I.c.*, 264.

[43] *Ibid.*; ср. Иоанн Павел II, Энциклика *Centesimus annus*, 53-62: *I.c.*, 859-867; *Id.*, Энциклика *Redemptor hominis* (4 марта 1979 г.) 13-14: *AAS* 71 (1979), 282-286.

[44] Ср. Павел VI, Энциклика *Populorum progressio*, 12: *I.c.*, 262-263.

[45] *Gaudium et spes*, 22.

[46] Павел VI, Энциклика *Populorum progressio*, 13: *I.c.*, 263-264.

[47] Ср. Бенедикт XVI, Речь к участникам IV Национального собора Церкви в Италии (19 октября 2006 г.): *Insegnamenti* II, 2 (2006), 465-477.

[48] Ср. Павел VI, Энциклика *Populorum progressio*, 16: *I.c.*, 265.

[49] *Ibid.*

[50] Бенедикт XVI, Речь к молодёжи на молу в Барангару: *L'Osservatore Romano*, 18 июля 2008 г., с. 8.

[51] Павел VI, Энциклика *Populorum progressio*, 20: *I.c.*, 267.

[52] *Ibid.*, 66: *I.c.*, 289-290.

[53] *Ibid.*, 21: *I.c.*, 267-268.

[54] Ср. nn. 3.29.32: *I.c.*, 258.272.273.

[55] Ср. Энциклика *Sollicitudo rei socialis*, 28: *I.c.*, 548-550.

[56] Павел VI, Энциклика *Populorum progressio*, 9: *I.c.*, 261-262.

- [57] Ср. Энциклика *Sollicitudo rei socialis*, 20: *I.c.*, 536-537.
- [58] Ср. Энциклика *Centesimus annus*, 22-29: *I.c.*, 819-830.
- [59] Ср. nn. 23.33: *I.c.*, 268-269. 273-274.
- [60] Ср. *I.c.*, 135.
- [61] *Gaudium et spes*, 63.
- [62] Ср. Иоанн Павел II, Энциклика *Centesimus annus*, 24: *I.c.*, 821-822.
- [63] Ср. Id., Энциклика *Veritatis splendor* (6 августа 1993 г.), 33.46.51: AAS 85 (1993), 1160.1169-1171.1174-1175; Id., Речь на Генеральной Ассамблее ООН по случаю пятидесятилетия с момента её основания (5 октября 1995 г.), 3: *Insegnamenti XVIII*, 2 (1995), 732-733.
- [64] Ср. Энциклика *Populorum progressio*, 47: *I.c.*, 280-281; Иоанн Павел II, Энциклика *Sollicitudo rei socialis*, 42: *I.c.*, 572-574.
- [65] Ср. Бенедикт XVI, *Послание ко Всемирному дню питания 2007*: AAS 99 (2007), 933-935.
- [66] Ср. Иоанн Павел II, Энциклика *Evangelium vitae*, 18.59.63-64: *I.c.*, 419-421. 467-468. 472-475.
- [67] Ср. Бенедикт XVI, *Послание ко Всемирному дню мира 2007*, 5: *Insegnamenti II*, 2 (2006), 778.
- [68] Ср. Иоанн Павел II, *Послание ко Всемирному дню мира 2002*, 4-7.12-15: AAS 94 (2002), 134-136. 138-140; id., *Послание ко Всемирному дню мира 2004*, 8: AAS 96 (2004), 119; id., *Послание ко Всемирному дню мира 2005*, 4: AAS 97 (2005), 177-178; Бенедикт XVI, *Послание ко Всемирному дню мира 2006*, 9-10: AAS 98 (2006), 60-61; id., *Послание ко Всемирному дню мира 2007*, 5.14: *I.c.*, 778. 782-783.
- [69] Ср. Иоанн Павел II, *Послание ко Всемирному дню мира 2002*, 6: *I.c.*, 135; Бенедикт XVI, *Послание ко Всемирному дню мира 2006*, 9-10: *I.c.*, 60-61.
- [70] Ср. Бенедикт XVI, *Проповедь на Святой Мессе в «Islinger Feld» в Регенсбурге* (12 сентября 2006 г.): *Insegnamenti II*, 2 (2006), 252-256.
- [71] Ср. Id., Энциклика *Deus caritas est*, 1: *I.c.*, 217-218.

[72] Иоанн Павел II, Энциклика *Sollicitudo rei socialis*, 28: *I.c.*, 548-550.

[73] Павел VI, Энциклика *Populorum progressio*, 19: *I.c.*, 266-267.

[74] *Ibid.*, 39: *I.c.*, 276-277.

[75] *Ibid.*, 75: *I.c.*, 293-294.

[76] Ср. Бенедикт XVI, Энциклика *Deus caritas est*, 28: *I.c.*, 238-240.

[77] Иоанн Павел II, Энциклика *Centesimus annus*, 59: *I.c.*, 864.

[78] Ср. Энциклика *Populorum progressio*, 40.85: *I.c.*, 277. 298- 299.

[79] *Ibid.*, 13: *I.c.*, 263-264.

[80] Ср. Иоанн Павел II, Энциклика *Fides et ratio* (14 сентября 1998 г.), 85: *AAS* 91 (1999), 72-73.

[81] Ср. *Ibid.*, 83: *I.c.*, 70-71.

[82] Бенедикт XVI, *Речь в Университете Регенсбурга* (12 сентября 2006 г.): *Insegnamenti* II, 2 (2006), 265.

[83] Ср. Павел VI, Энциклика *Populorum progressio*, 33: *I.c.*, 273-274.

[84] Ср. Иоанн Павел II, *Послание ко Всемирному дню мира 2000*, 15: *AAS* 92 (2000), 366.

[85] Катехизис Католической Церкви, п. 407; ср. Иоанн Павел II, Энциклика *Centesimus annus*, 25: *I.c.*, 822-824.

[86] Ср. п. 17: *AAS* 99 (2007), 1000.

[87] Ср. *ibid.*, 23: *I.c.*, 1004-1005.

[88] Св. Августин подробно излагает это учение в диалоге о свободе воли (*De libero arbitrio* II 3, 8 sqq.). Он указывает, что в человеческой душе присутствует «внутреннее чувство». Это чувство – акт, совершающийся вне обычных функций разума, не основанный на рефлексии и почти инстинктивный, посредством которого разум, отдавая себе отчёт в своей эфемерности и подверженности ошибкам, признаёт, что над ним существует нечто вечное, абсолютно истинное и достоверное. Эту внутреннюю истину св. Августин иногда отождествляет с Богом (*Исповедь* 10, 24, 35; 12, 25, 35; *De libero arbitrio* II 3, 8), но чаще с

Христом (*De magistro* 11, 38; *Исповедь VII*, 18, 24; XI, 2, 4).

[89] Бенедикт XVI, Энциклика *Deus caritas est*, 3: *I.c.*, 219.

[90] Ср. н. 49: *I.c.*, 281.

[91] Иоанн Павел II, Энциклика *Centesimus annus*, 28: *I.c.*, 827-828.

[92] Ср. н. 35: *I.c.*, 836-838.

[93] Ср. Иоанн Павел II, Энциклика *Sollicitudo rei socialis*, 38: *I.c.*, 565-566.

[94] N. 44: *I.c.*, 279.

[95] Ср. *Ibid.*, 24: *I.c.*, 269.

[96] Ср. Энциклика *Centesimus annus*, 36: *I.c.*, 838-840.

[97] Ср. Павел VI, Энциклика *Populorum progressio*, 24: *I.c.*, 269.

[98] Ср. Иоанн Павел II, Энциклика *Centesimus annus*, 32: *I.c.*, 832-833; Павел VI, Энциклика *Populorum progressio*, 25: *I.c.*, 269-270.

[99] Иоанн Павел II, Энциклика *Laborem exercens*, 24: *I.c.*, 637-638.

[100] *Ibid.*, 15: *I.c.*, 616-618.

[101] Энциклика *Populorum progressio*, 27: *I.c.*, 271.

[102] Ср. Конгрегация вероучения, Инструкция о христианской свободе и освобождении *Libertatis conscientia* (22 марта 1987 г.) 74: AAS 79 (1987), 587.

[103] Ср. Иоанн Павел II, *Интервью* католической ежедневной газете « La Croix », 20 августа 1997 г.

[104] Иоанн Павел II, *Речь в Папской академии социальных наук* (27 апреля 2001 г.): *Insegnamenti XXIV*, 1 (2001), 800.

[105] Павел VI, Энциклика *Populorum progressio*, 17: *I.c.*, 265-266.

[106] Ср. Иоанн Павел II, *Послание ко Всемирному дню мира 2003*, 5: AAS 95 (2003), 343.

[107] Ср. *ibid.*

[108] Ср. Бенедикт XVI, *Послание ко Всемирному дню мира 2007*, 13: *I.c.*, 781-782.

[109] Павел VI, Энциклика *Populorum progressio*, 65: *I.c.*, 289.

[110] Ср. *ibid.*, 36-37: *I.c.*, 275-276.

[111] Ср. *ibid.*, 37: *I.c.*, 275-276.

[112] Ср. II Ватиканский собор, Декрет об апостольстве мирян *Apostolicam actuositatem*, 11.

[113] Ср. Павел VI, Энциклика *Populorum progressio*, 14: *I.c.*, 264; Иоанн Павел II, Энциклика *Centesimus annus*, 32: *I.c.*, 832-833.

[114] Павел VI, Энциклика *Populorum progressio*, 77: *I.c.*, 295.

[115] Иоанн Павел II, *Послание ко Всемирному дню мира 1990*, 6: AAS 82 (1990), 150.

[116] Гераклит Эфесский (Эфес, ок. 535 до н.э. – ок. 475 до н.э.), Фрагмент 22B124: H. Diels-W. Kranz, *Die Fragmente der Vorsokratiker*, Weidmann, Berlin 19526.

[117] Ср. Папский совет «Справедливость и мир», *Компендиум социального учения Церкви*, nn. 451- 487.

[118] Ср. Иоанн Павел II, *Послание ко Всемирному дню мира 1990*, 10: *I.c.*, 152-153.

[119] Павел VI, Энциклика *Populorum progressio*, 65: *I.c.*, 289.

[120] Бенедикт XVI, *Послание ко Всемирному дню мира 2008*, 7: AAS 100 (2008), 41.

[121] Ср. *Id.*, *Речь к участникам Генеральной Ассамблеи ООН (18 апреля 2008 г.): Insegnamenti IV*, 1 (2008), 618- 626.

[122] Ср. Иоанн Павел II, *Послание ко Всемирному дню мира 1990*, 13: *I.c.*, 154-155.

[123] *Id.*, Энциклика *Centesimus annus*, 36: *I.c.*, 838-840.

[124] *Ibid.*, 38: *I.c.*, 840-841; ср. Бенедикт XVI, *Послание ко Всемирному дню мира 2007*, 8: *I.c.*, 779.

[125] Ср. Иоанн Павел II, Энциклика *Centesimus annus*, 41: *I.c.*, 843-845.

[126] Ср. *ibid.*

[127] Ср. Id., Энциклика *Evangelium vitae*, 20: *I.c.*, 422-424.

[128] Энциклика *Populorum progressio*, 85: *I.c.*, 298-299.

[129] Ср. Иоанн Павел II, *Послание ко Всемирному дню мира 1998*, 3: AAS 90 (1998), 150; Id., *Речь к членам Фонда «Centesimus Annus»* (9 мая 1998 г.), 2: *Insegnamenti XXI*, 1 (1998), 873-874; Id., *Речь к гражданским и политическим властям и к Дипломатическому корпусу на встрече в «Wiener Hofburg»* (20 июня 1998 г.), 8: *Insegnamenti XXI*, 1 (1998), 1435-1436; Id., *Послание ректору Католического университета Святейшего Сердца* (5 мая 2000 г.), 6: *Insegnamenti XXIII*, 1 (2000), 759-760.

[130] Согласно св. Фоме, «ratio partis contrariatur rationi personae» в *III Sent. d. 5, 3, 2.*; а также: «Homo non ordinatur ad communitatem politicam secundum se totum et secundum omnia sua» в *Сумме теологии I-II, q. 21, a. 4, ad 3um.*

[131] Ср. II Ватиканский собор, Догматическая конституция о Церкви *Lumen gentium*, 1.

[132] Ср. Иоанн Павел II, *Речь к участникам публичного заседания Папской богословской академии и Папской академии св. Фомы Аквинского* (8 ноября 2001 г.), 3: *Insegnamenti XXIV*, 2 (2001), 676-677.

[133] Ср. Конгрегация вероучения, Декларация о единственности и всеобщей спасительности Иисуса Христа и Церкви *Dominus Jesus* (6 августа 2000 г.), 22: AAS 92 (2000), 763-764; Id., *Вероучительная нота по некоторым вопросам, касающимся участия католиков в политической жизни* (24 ноября 2002 г.), 8: AAS 96 (2004), 369-370.

[134] Бенедикт XVI, Энциклика *Spe salvi*, 31: *I.c.*, 1010; Id., *Речь к участникам IV Национального собора Церкви в Италии* (19 октября 2006 г.): *I.c.*, 465-477.

[135] Иоанн Павел II, Энциклика *Centesimus annus*, 5: *I.c.*, 798-800; ср. Бенедикт XVI, *Речь к участникам IV Национального собора Церкви в Италии* (19 октября 2006 г.): *I.c.*, 471.

[136] N. 12.

[137] Ср. Пий XI, Энциклика *Quadragesimo anno* (15 мая 1931 г.): AAS 23 (1931), 203; Иоанн Павел II, Энциклика *Centesimus annus*, 48: *I.c.*, 852-854; *Катехизис Католической Церкви*, п. 1883.

[138] Ср. Иоанн XXIII, Энциклика *Pacem in terris*: *I.c.*, 274.

[139] Ср. Павел VI, Энциклика *Populorum progressio*, 10.41: *I.c.*, 262.277-278.

[140] Ср. Бенедикт XVI, *Речь к членам Международной богословской комиссии* (5 октября 2007 г.): *Insegnamenti* III, 2 (2007), 418-421; *Id.*, *Речь к участникам Международного конгресса по «Естественному нравственному закону», организованного Папским Латеранским университетом* (12 февраля 2007 г.): *Insegnamenti* III, 1 (2007), 209-212.

[141] Ср. Бенедикт XVI, *Речь к Епископской конференции Таиланда в ходе визита ad limina* (16 мая 2008 г.): *Insegnamenti* IV, 1 (2008), 798-801.

[142] Ср. Папский Совет по пастырскому попечению о мигрантах и путешественниках, Инструкция *Erga migrantes caritas Christi* (3 мая 2004 г.): *AAS* 96 (2004), 762-822.

[143] Иоанн Павел II, Энциклика *Laborem exercens*, 8: *I.c.*, 594-598.

[144] *Речь в заключение Евхаристической службы по случаю Юбилея трудящихся* (1 мая 2000 г.): *Insegnamenti* XXIII, 1 (2000), 720.

[145] Ср. Иоанн Павел II, Энциклика *Centesimus annus*, 36: *I.c.*, 838-840.

[146] Ср. Бенедикт XVI, *Речь к участникам Генеральной Ассамблеи ООН* (18 апреля 2008 г.): *I.c.*, 618-626.

[147] Ср. Иоанн XXIII, Энциклика *Pacem in terris*: *I.c.*, 293; Папский Совет «Справедливость и мир», *Компендиум социального учения Церкви*, п. 441.

[148] Ср. *Gaudium et spes*, 82.

[149] Ср. Иоанн Павел II, Энциклика *Sollicitudo rei socialis*, 43: *I.c.*, 574-575.

[150] Павел VI, Энциклика *Populorum progressio*, 41: *I.c.*, 277- 278; Ср. *Gaudium et spes*, 57.

[151] Ср. Иоанн Павел II, Энциклика *Laborem exercens*, 5: *I.c.*, 586-589.

[152] Ср. Павел VI, Апостольское послание *Octogesima adveniens*, 29: *I.c.*, 420.

[153] Ср. Бенедикт XVI, *Речь к участникам IV Национального собора Церкви в Италии* (19 октября 2006 г.): *I.c.*, 465-477; *Id.*, *Проповедь на Святой Мессе в «Islinger Feld» в Регенсбурге* (12 сентября 2006 г.): *I.c.*, 252-256.

[154] Ср. Конгрегация вероучения, Инструкция по некоторым вопросам биоэтики *Dignitas personae* (8 сентября 2008 г.): М., Изд-во Францисканцев, 2009.

[155] Ср. Энциклика *Populorum progressio*, 3: *I.c.*, 258.

[156] *Gaudium et spes*, 14.

[157] Ср. п. 42: *I.c.*, 278.

[158] Ср. Бенедикт XVI, Энциклика *Spe salvi*, 35: *I.c.*, 1013-1014.

[159] Павел VI, Энциклика *Populorum progressio*, 42: *I.c.*, 278.